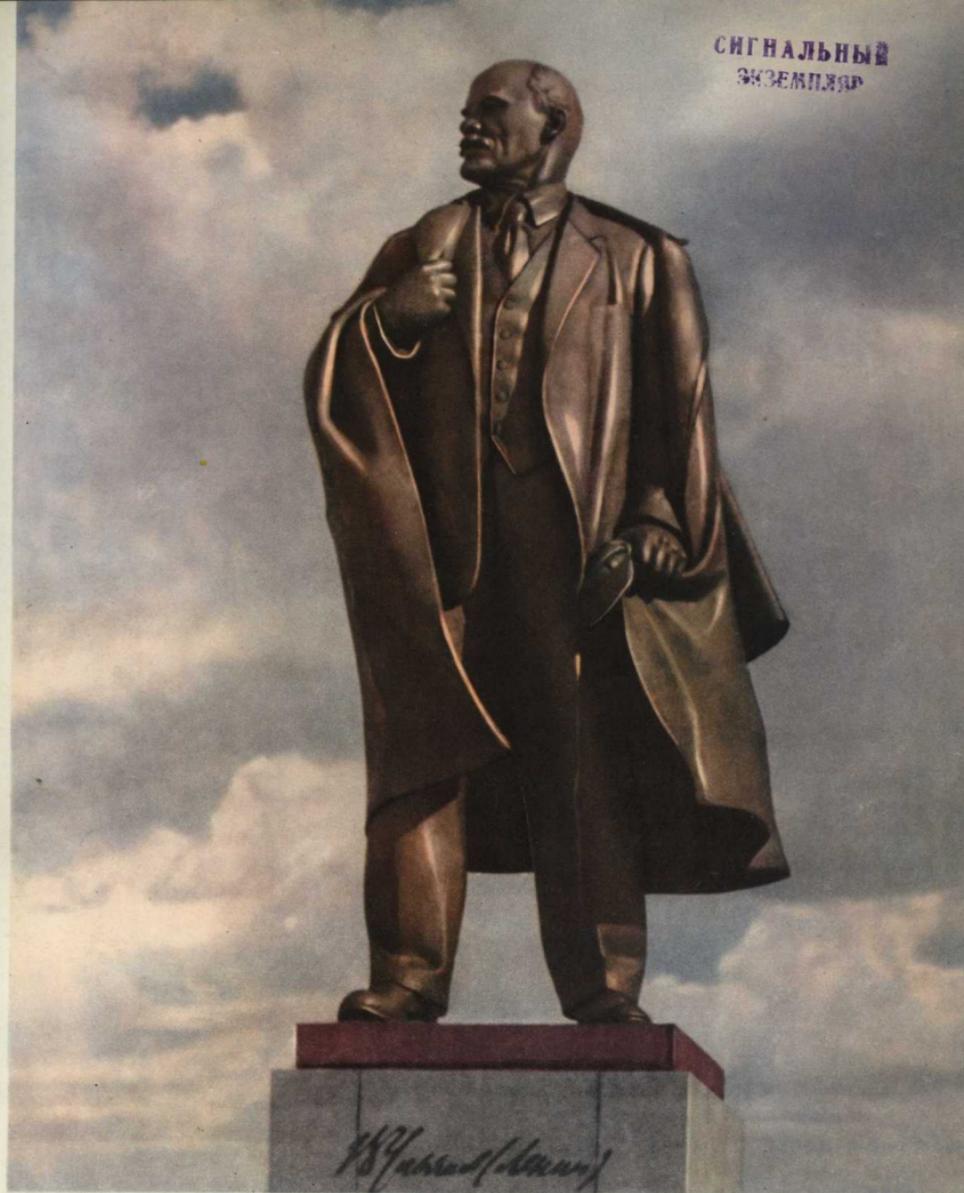

СИГНАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

СМЕНА

7

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАС ОСЕНЯЕТ ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

Слова М. ДУДИНА.

Музыка Н. ГАЛКИНА.

Торжественно оп. 34, кн. 1

Во всех тру-
дах, во всех бо-ях, как пла-мя, как жизнь са-ма, зо-вущее впе-ред нас о-се-
ня-ет ленинское знамя и подни-ма-ет к подвигу на-род. Нас о-се-ня-ет ленинское
зна-мя и подни-ма-ет к подвигу на-род. 2. 0. но в ду-шах.

Хор

Для повторения *Для окончания*

оп. 34, кн. 1

зна-мя и подни-ма-ет к подвигу на-род. 2. 0. но в ду-шах.

Во всех трудах, во всех боях,
как пламя,
Как жизнь сама,— зовущее вперед
Нас осеняет ленинское знамя
И поднимает к подвигу народ.

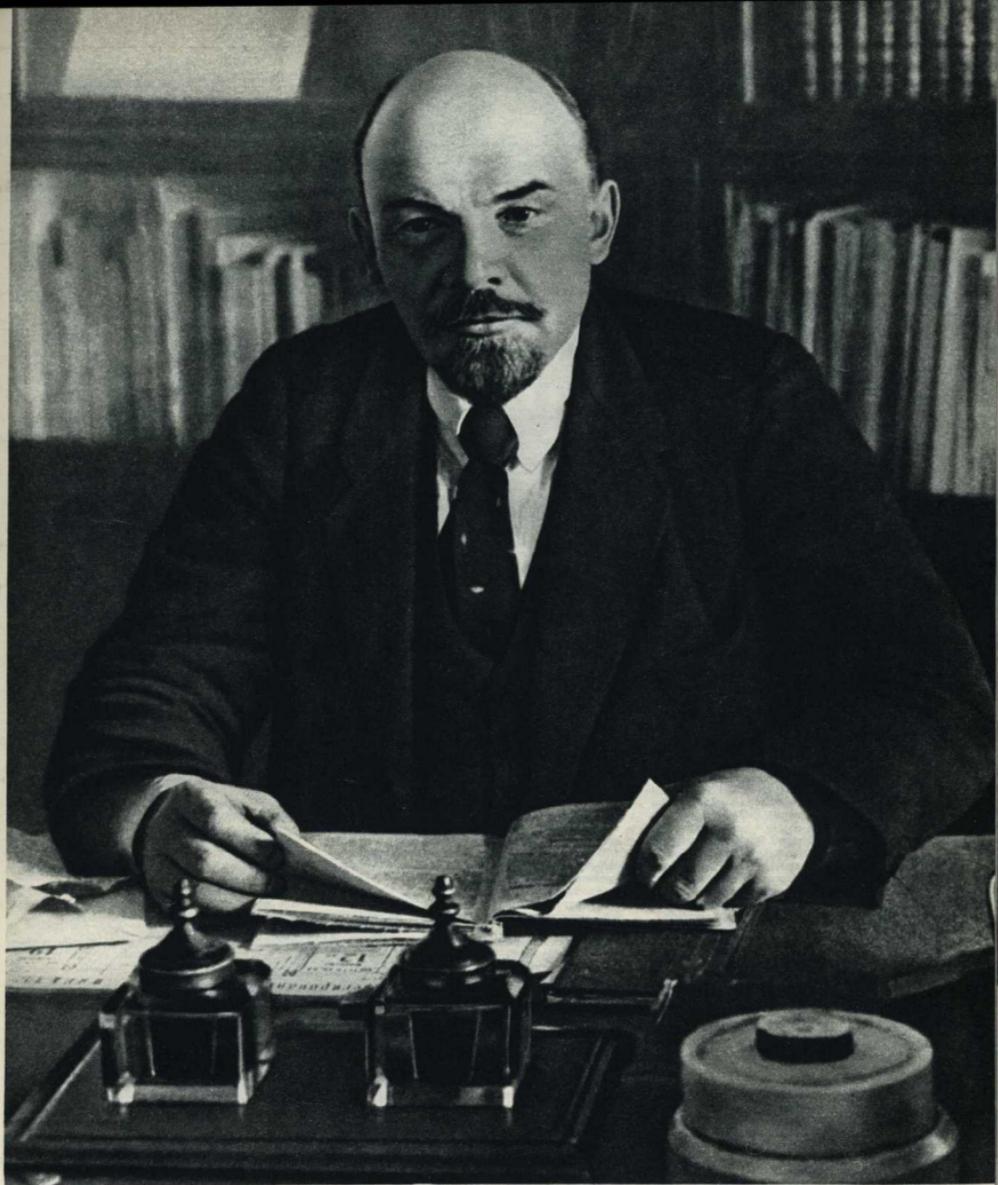
Оно в душе у каждого хранится,
Неугасимым пламенем горя...
Бессмертные истории страницы
Оплет листвает ветер Октября.

В них вся судьба, любить
и строить право.
В них силы созидательной подъем...
И нашей жизни мировая слава
Идет победным ленинским путем.

И эта слава вечно будет с нами,
Она растет, и ей сиять в веках.
Нас осеняет ленинское знамя,
Оно в надежных партии руках.

Рисунки В. Орлова.

В. И. ЛЕНИН в рабочем кабинете.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 7. 1956 год.

Год
издания
33-й

НА РАМЛИНЕ ИЛЬИЧА

I. НАД ВЕЛИКОЮ РУССКОЮ РЕКОЮ

Самая высокая точка холма, на котором раскинулся Ульяновск, носит поэтическое название Венец. Отсюда, по рассказам современников, Владимир Ильич Ленин в юности любил наблюдать восход солнца.

Венец — место живописное, оно действительно как венец горит здесь, перед Волгой, круто обрывается холм, поднимающийся от реки Свияги, и с полтораэтажной высоты обрывы взору открываются манящей, захватывающей душу волжский простор.

Тихо на Венеце в предосенний час. Унылая буйный ветер, старые тополи, подвиг к небу узоры клеевых почек, замерая, словно притоптываясь встречать первые лучи солнца, и только снизу доносится по несвойски шорох, то гул, то шорох из отдаленной горы, — это Волга освобождается от зимних оков. Вдур по всей низине, точно пушечный выстрел, прокатывается грохот, и известь откуда взмывающая ватага ребятенек стремительно бросается с обрыва вниз по крутой лестнице. Шумная детвора скоро исчезает в дымке, окутывающей нижние ступени лестницы, а бойкие голоса все еще звучат, как колокольчики: «Пошла!.. Пошла!»

Волга тронулась.

В сознании жителей Ульяновска начало ледохода связывается с днем рождения Ленина — перед этой знаменательной датой обычно вскрывается великая русская река. И так же как весеннее пробуждение Волги возвращает птицам песня, полям — плодородие, лесам — зеленый наряд, так Ленин, родившийся в день весеннего половодья, освободил народ от долгого гнета, вернул утраченную радость, указал путь к счастью.

И кто знает, быть может, в те далекие годы здесь, на Венеце, у той старой ветки, стоял юный Ленин, прислушиваясь к песне бурлаков и вглядываясь в беспредельные волжские просторы, в которых угадывалась вся Россия — обездоленная, нищая, но до боли любимая, родная страна, горе которой было его горем, радость — его радостью!

Незапамятный сонет оставила Волга в душе Ленина на всю жизнь. На берегу Волги он родился и рос. Здесь прошла его юность, формировался характер. Здесь он сделал первые шаги революционера. Куда бы ни забросила его судьба, востор и всегда он вспоминал о родной реке. «Хорошо бы лететь на Волгу!» — писал Владимир Ильич метром из Лондона. «Со-

скупился по Волге», — часто говорил он в годы эмиграции... Может быть, эти же волжские просторы вставали перед его мысленным взором в Октябре семнадцатого года, когда он подписывал первый декрет Советской власти о земле.

Волга тронулась.

Грохот лопки льда прокатился по низине, и на Венеце опять стоит немая тишина предвосхищающего часа. Но вот на горизонте показалось солнце. Загорелось сразу повнеба. Вся даль, точно облитая пламенем, заискрилась, а вода солнце чуткою поднялась, стала вырисовываться с деталями пейзажа. Заблестела озеро. Озеро это или разлив вешних вод?.. Левее показались корпуса завода, гигантские черные трубы которого, словно колонны, подпирают голубое небо. Обнажились дента реки, уходящая далеко-далеко в просторы колхозных полей.

Широк нынче разлив, но полые воды не слышат, не войдут в привычные берега: в Жигулях они натолкнутся на плотину Кубышевской гидроэлектростанции и отступят, наполняя чашу нового моря. Море подойдет почти вплотную к обрыву — там, правее, выдвинуты дамбы волнолома и ажурные краны Ульяновского порта.

Во всем, что открывается взору с высоты Венеца — и в рождающемся море, и в растущих гигантах индустрии, и в бескрайних полях колхозов и совхозов, — живут великие, бессмертные идеи Ленина! Они, как солнце, озарят нашу жизнь, наш путь.

II. СЕРДЦУ БЛИЗИЙ ГОРОДОК

Взгляните на карту: кружочек, обозначающий родину Ленина, своими ободками упирается в берега Волги и Свияги — рек, продолживших русла параллельно, но текущих в разные стороны: Волга — на юг, Свияга — на север. Здесь, в самом узком месте между речья, на высоком холме в 1648 году и возник городок

Симбирск. Улицы его, постепенно разрастаясь, вытянулись от правого берега Волги до Свияги, а теперь уже перешагнули и ее, уходя в заросли на

Сердцу близкий городок... На его улицах, сохранивших дорожные следы детства и юности Владимира Ильича, в любое время можно встретить людей, приехавших издалека, чтобы посмотреть, в какой обстановке рос и воспитывался, узнать, чем увлекался, что любил, как учился в школе, имя которого стало позже символом нового мира.

Все, что познается здесь, возбуждает в сердце самые высокие, самые прекрасные чувства. О волнении, испытанном при посещении памятных ленинских мест, рассказывают тысячи записей, сделанных в книге Дома музея. Об этом говорит и мой спутник — тракторист МТС, инженер-строитель и девушка-врач. Мы приехали на родину Ленина из разных мест, случайно встретились на Венеце и вместе пошли взглянуть на домки, где жил Владимир Ильич. Ни справочников, ни путеводителей нам не потребовалось: каждый из нас охотно показывал дорогу, и вскоре мы стояли перед двухэтажным, украшенным фигурами наличниками домом № 19 на улице Ульянова.

...Семья Ульяновых приехала в Симбирск из Нижнего Новгорода осенью 1869 года и поселилась на Стрелецкой улице, в маленьком деревянном флигеле по двору усадьбы Прибыловского. В этом флигеле 22 апреля 1870 года родился третий в семье ребенок, которого дали имя Владимир.

Время, к сожалению, не пощадило колмбей Ильича — за ветхостью флигеля был снесен еще до революции. Но на этой же усадьбе сохранился двухэтажный дом, в который переселились Ульяковы из флигеля осенью 1870 года и жил там пять лет. Здесь, в комнате второго этажа, прошло раннее детство Владимира Ильича, здесь родился его любимый брат, подруга детских лет, Ольга, и младший брат, Дмитрий.

Теперь в этом доме открывается областная детская библиотека, и каждый из нас с удовольствием отмечает тот факт: ведь именно тут Владимир Ильич постиг первые радости слезать из бува слюва, — будучи богато одаренным ребенком, он к пяти годам научился читать.

Дом, в котором прошло раннее детство В. И. Ленина.

Осмотр еще два домика, где в разное время квартировали Ульяновы, мы пытаемся представить себе облик старого Сибирска, тогда его обитателей.

В тот год, когда сюда приехали Ульяновы, весь Сибирск волновало одно событие: шестой департамент сената наконец рассмотрел и представил сенату доклад о пятидесяти тысячах писем, доставленных в Сибирск в декабре 1864 года, который начался во время бури и уничтожил почти весь город. Для расследования бедствия из столицы приехал генерал-адъютант Врангелъ, расстрелял двух солдат, вместе заперев их в подвале, и уехал. После него прибыл сенатор Жданов с целой свитой крупных и мелких чиновников. Он пошел на ноги всех сищиков и жандармов, за два года «бури деятельности» пережил в тюрьму половину жителей города и, ничего не добившись, уехал. Пять лет следствия. За это время город уже успел заново отстроиться и зажить той тихой жизнью захолустья, о которой И. А. Гончаров, уроженец Сибирска, писал:

«Вся улица смеется, когда за версту идет тележка с писем; сапожник вытирает сапожок... Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье».

В 80-х годах в Сибирске было всего тридцать тысяч населения. Промышленность города представляла собой в основном завод и несколько мелких мастерских, в которых было занято пятьсот рабочих. Церквей насчитывалось больше, чем учебных заведений,— на каждую тысячу жителей приходилась одна колокольня.

Этот типичный губернский городок, стоявший в стороне от железных дорог, называли «дворянским гнездом».

...Мы уже больше часа бродим по тем улицам, где в юности ходил Владимир Ильич. Он часто посещал Карамзинскую библиотеку, сама прославившаяся в читальном зале. Из воспоминаний его современников нам известно, как любил книгу Ильич и как работал над ней: с самых юных лет он выработал привычку делать при чтении выписки из книг; читал внимательно, не бегая всего, что могло рассечь, отвлечь внимание. Карамзинская библиотека в то время была единственной в городе и занимала небольшой уголок в здании дворянского собрания. Сейчас все это здание занимает Дворец имени Ульянова и И. Ленина. На полках этой настоящей публичной библиотеки насчитывается свыше трехсот тысяч томов. На пополнение книжного фонда Дворца ежегодно расходуются свыше двухсот шестидесяти тысяч рублей. Кроме Дворца книги, в Ульяновске открыто более тридцати массовых библиотек, имеющих семист тысяч книг.

Владимир Ильич бывал в театре, покупая билеты складывая со своими сестрами или сверстниками. Зимой он катался на коньках, любил плавать, ходил на рыбалку, любил совершать дальние прогулки с товарищами. Владимир Ильич был человеком, с восхищением наблюдавшим за работой волжских рыбаков, и, видимо, настолько сильно был впечатлен той поры, tanto глубокой след оставил в памяти, что спустя много лет Владимир Ильич, глядя на итальянских рыбаков в окрестностях Капри, замечая Гомола: «Наши работают лучше».

...В Карамзинском садике слышались весенние голоса птиц, и на деревьях уже пробивались изумрудные листья. Только что сейчас тут целыми стадами бегали по аллеям школьники. Звонко,— видимо, кончилась перемена — позвал их, и садик оживил. Весел за школьниками отправилась и мы в десятилетку, которая помещается в том здании, где находилась Сибирская мужская гимназия.

На фасаде прикреплена мемориальная доска:

Здесь учился
Владимир Ильич
Ульянов-Ленин
(1879—1887 гг.)

Нас встречает один из педагогов и провожает в седьмой класс гимназии, превращенный недавно в музей. Другие классы, где занимался Владимир Ильич, отмечены только памятными надписями, в этом же полностью восстановлена обстановка гимназии: парты, красная доска, кафедра... Место Владимира Ильича на четвертой парте, у самого окна, отмечено специальной табличкой. Рядом с кафедрой, около

Семья Ульяновых в Сибирске.

доски, стоит скульптурная фигура Володи Ульянова в куртке гимназиста. В витринах демонстрируются учебники и выписки из классного журнала, где в графе В. Ульянова длинным рядом выстроились пятерки.

Владимир Ильич учился отлично, из класса в класс переходил неизменно с наградами первой степени. Давалось это не только исключительными способностями, но и огромным трудолюбием, серьезным отношением к учебе.

Это дало-о ему возможность овладеть знаниями так хорошо и прочно, что он часто и охотно помогал товарищам, объяснял им трудные уроки по математике или древним языкам, в которых особенно преуспевал. Будучи еще гимназистом, он помог одному учителю-чужаку подготовиться к поступлению в университет. Латыш он знал так хорошо, что когда его старшая сестра, Анна Ильинична, учившаяся на предпоследнем курсе Высших женских курсов в Петербурге, заступила этот предмет, он помог наперевест ушное, подготовиться к экзамену.

«Очень оживленно, с большой любовью к делу шла и лекция, — вспоминает Анна Ильинична. — Это не был первый урок, усердно выслушивая уроки,— это был скорее молодой лингвист, умевший находить особенности и красоты языка».

«Луч весеннего солнца падает на парту Ильича. Теперь в этом классе-музее проводятся торжественные линейки пионеров, здесь вступающие в пионерскую организацию произносят торжественное обещание быть верными заветам Ленина, жить и учиться так, чтобы стать достойными гражданами советской Родины. Радом, в актовом зале, каждую субботу происходит передача дежурства очередному классу, который в следующую неделю будет следить за порядком в школе. Дежурный класс выставляет во всех коридорах посты, и они будут строго следить и за тем в меру расхлывавшимся ребятами и за опрятностью одежды школьников, чтобы во всем здесь был образцовый порядок».

— Мы ведь на виду у всего мира, — говорит пионерожатка и показывает целую лентку аккуратно подшитых писем.

По этим письмам можно было бы изучать географию не только Советского Союза, но и многих зарубежных стран. Со школой, где

учился Ленин, хотят установить переписку школьники Румынии в Венгрии, Польши и Чехословакии, Болгарии и Германской Демократической Республики.

«Не удивляйтесь, пожалуйста, что яруг к вам письмо из Германии,— пишет Эфа Куш из города Швайндит.— Я ученица 9-го класса, и вместе с моими товарищами мы уже давно ждали вам написать письмо, но никогда у нас точного адреса не было. Вчера наша учительница нам сказала: «Послушайте, ребята, точного адреса мы дальше ждать не будем. Посмотрите на географическую карту, и вы будет нам адрес!». Сказано — сделано, и сегодня я вам пишу...»

А вот письмо из Райхенаха:

«...Пожалуйста, расскажите нам хотя бы немного из жизни Ленина, он ведь родился в нашем городе. Известно, что мы еще плохо пишем на русском, но мы будем писать лучше, мы хотим хорошо знать язык Ленина».

Ответы на такие письма учинился Ульяновской средней школы № 1 имени В. И. Ленина пишут на родном языке. Справляются они и в тех случаях, когда письма приходят на языках европейских стран. Но бывает у них и затруднения (недавно получили письмо из Китая).

— Иероглифы, конечно, у нас никто не знает, — рассказывает пионерожатка, — а узнать, что пишут, интересно...»

— Посланы бы в Москву для перевода, — поддевает один из посетителей.

— Что вы! — удивляется пионерожатка. — Во-первых, ждать долго, а во-вторых, и в Ульяновске нашлся человек, знающий китайский язык. Это вам не Сибирск. У нас сколько институтов, профессор... Давно отсталия.

III. ДОМ УЛЬЯНОВЫХ

Под сводами огромных тополей на улице Ленина, бывшей Московской, стоит немалая деревянная дача, выкрашенная светлокоричневой охрой. Из всех памятных мест, связанных с детством и юностью Владимира Ильича, он представляет особую историческую ценность. В этом домике, купленном Ульяновыми осенью 1878 года, они поселились, когда их сынолу Володе было восемь лет, и жили до самого отъезда из Сибирска. Здесь полностью

восстановлено расположение комнат, обои на стенах, мебель, книги, предметы домашнего обихода — вся обстановка, в которой прошла большая часть детства Владимира Ильича, его гимназические годы.

С восторгом переступая порог этого дома, и с первых же шагов нами овладевает то чувство близости далекого, но вечного, которое так хорошо выразил Дмитрий Ильич Ульянов, оставивший после посещения Дома-музея такую запись:

«Во всем видится, слышится, чувствуется мать, отец и он, Володя, сначала маленький, резвый мальчик, неизменно женственного, веселый, абсолютно справедливый и безупречный во всем, затем более взрослый юноша, непринято и по-детски милый, и восторженный и в поргкие образы, и с слезами подступают к старым глазам, но на душе так обострено и уютно, что не хочется уходить из обстановки этого дома».

Осмотр Дома-музея начинается с гостиной, самая большая, но так же, как и другие комнаты, обставленной скромно и строго. Слева, в углу, наискосок стоит диван, красная и овалный столик. У окон и на подоконниках цветы, которые так любила в семье Ульяновых. Справа у стены — большой шкаф, за замечает посетителя, самая дорогая и роскошная во всем доме.

— Ни шумных балов, ни шумных вечеров, — рассказывает экскурсовод, — стены гостиной никогда не звенели. Сетевые лампы висели на тонких цепочках, жила нежно-скромно и довольно замкнуто. Круг ее знакомых был ограничен, и если случалось, бывали гости, то это большей частью люди из среды педагогов.

Экскурсовод рассказывает, и мы ярко представляем тихие, наполненные музыкой вечера в гостиной. Мать Владимира Ильича, накопавшись за день по хозяйству, садится за рояль, — и в комнате звучат народные мотивы из фольклорных мелодий. Как рассказывает она, знала и любила музыку, сама обучала пению и игре на рояле своих детей. Может быть, эти вечера вызвали у Владимира Ильича, обладателя хорошего слуха, и сохранили на всю жизнь тонкое понимание и любовь к музыке. В юности в комнате играла Ольга около этого рояля, Владимир Ильич под аккомпанемент матери пел дуэтом любимую песню «Неудачно наше море...».

Шумно бывало в гостиной, когда тут устраивали десные праздники или затевались игры. Если с юности родители ушли из дома к знакомым, поднималась возня, затевались придуманные богатой деткой фантазий игры.

Рядом с гостиной — рабочий кабинет Ильича Николаевича, отца Ленина. Все, на чем ни остановился бы взгляд в этой комнате, говорит о человеке, который трудился на великой ниве народного просвещения. На письменном столе лежат «Отчеты о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1869—1886 года» и педагогическая записка, которую подготовил Илья Николаевич, внимательно следивший за новыми течениями педагогической мысли. Здесь же стоит письменный прибор — подарок учителей, преподнесенный Илье Николаевичу в ознаменование 25-летия его деятельности в области просвещения. На шкафу — туалетный прибор для демонстрации движения Земли вокруг Солнца. Литература, заполняющая книжный шкаф, свидетельствует о том, что отец Ленина читал книги и журналы, выражающие взгляды и вкус революционной демократии того времени.

Отец Владимира Ильича был единственным на всю Симбирскую губернию инспектором, а потом директором народных училищ. На его плечах лежала огромная забота о народном образовании. Он постоянно находился в разъездах по деревням и селам, отдавая все свою энергию расширению сети школ, улучшению структуры. За шестнадцать лет своей деятельности в Симбирской губернии он построил сто пятьдесят одно здание для народных школ. Редкие дни месяца проводил в семье, проводя в кругу своей семьи. Успокаивая на колени то одного, то другого, он подолгу беседовал с детьми.

Кабинет служил Илье Николаевичу спальней здесь на широком диване отдыхал после работы. На этом же диване 12 января 1886 года он умер.

Из кабинета отца мы переходим в комнату матери Владимира Ильича. Собственно, это была не отдельная комната, а часть ее, отгороженная ширмой. О круге интересов этой замечательной женщины можно судить не только по аксиоматично строгой обстановке ее комнаты, но и по книгам, которые лежат на столике и на комодике. Мы здесь видим «Войну и мир» Л. Н. Толстого, томик И. С. Тургенева и Л. А. Некрасова, журналы «Отечественные записки» и «Современник», сочинения Шекспира на английском языке, «Остров французской революции» на французском, произведения Гете на немецком языке.

Мария Александровна не получила школьного образования. Отец ее, врач, не хотел отдавать дочь в школу, считая, что образование девочек женских гимназий в то время еще не было. Она училась дома, пополняя свои знания самостоятельными занятиями и чтением книг; позже подготовилась и сдала экзамен на звание учительницы, в совершенстве изучила несколько европейских языков.

Она была другом для своих детей. Никто из них не помнил, чтобы мать когда-нибудь повысила тон, наказала за шалость. Выдержанная и муткая, она обладала большой силой воли, твердыми и сильными характером. Эти прекрасные качества упорно воспитывала и в своих детях, прививая им любовь к труду, уважение к простым людям, честность, смелость, высокие моральные и нравственные принципы.

Большая семья Ульяновых жила на заработок отца более чем скромно. Это мы видим по обстановке — нигде и ни в чем нет излишества, всюду только самое необходимое и простое.

Мария Александровна все хозяйство вела сама, зная ее только помогала. В доме был завелся такой порядок, что старшие дети заботились о младших. Уход за садом и огородом лежал на обязанности детей. Они оканывали фруктовые деревья, поливали грядки, и как-то поучались так, что к колоду с лейкой в руках всегда приходил Володя.

В семье царил дух дружбы и взаимного уважения. До глубины души трогает подарки детей отцу и матери, которые мы видели в этом доме. Вот подставка для хлеба, вышпаленная лобком из фанеры. Ее дала и подарила матери в день ее имени старшая дочь Александра. Вот маленькие голубые конвертики с надписями: «Моему милому папе», преподнесенные младшими детьми в день рождения отца. В этих конвертиках было самое драгоценное — аккуртно, без ошибок переписанные стихи. Из одного раскрытого конвертика выглядывают две строчки:

«Я не забыл тот даленный,
Но сердцу близкий городок...»

Любимый ДМИТРИКО

Большая правда

Да верно ли, что не видела я даже
Его, живым вопшедшего в века?
Мне кажется, что я стою на страже,
Когда он речь держал с броневика.

Большая правда ленинских декретов
Крылатой вестью облетела свет,
Чтоб клич «За мир»
и клич «За власть Советов!»
Нам маяком светлел столько лет!

Спросите вы у паренька Любого,
Кого здесь каждый ленинцем зовут:
Да видел ли ты Ленина живого?
В ответ услышите:

— В сердце он живет!

Живет в сердцах... Повесть правда эта
Взлет зез гулком живительным ключом,
Все меньше тьмы, все больше в мире
Света,
Зажженного бесмертным Ильичем.

Перевел с украинского
Григорий СОЛОВЬЕВ.

Взлом в столовую. Последнее стоит dining-ный стол, накрытый скатертью, вокруг него — простые, гнутые, как их раньше называли, венские стулья. В углу — буфет, на стене — большая карта полушарий. У окна — швейная машина того времени, среди кофточек, что ее можно назвать «рабочей» нынешних агрегатов такого типа. Тихо тикают старинные настенные часы, отсчитывая время так же, как и в те дни, когда собирался здесь к обедам или к вечерам, предельно дружелюбно, что ее звали «Ульянов». Здесь, ушедших воруз студа, дети готовили уроки, читали книги, а мать строила на машинке, еле успевая наготовить рубашонки, платки, штанишки для ребят. По субботам тут читали вслух и горло обсуждали семейно-интересный журнал «Современник». Редактором этого журнала был Александр, литературным критиком — Анна, а постоянным и неутомимым сотрудником — Володя, подписываясь свои статьи псевдонимом «Кубышкин». Отец и мать принимали живое участие в обсуждении журнала, всячески поддерживая и развивая инициативу детей.

За этим же столом Владимир Ильич иногда сражался с отцом в шахматы. Отец, обучивший Володю этому увлекательной игре, сначала давал ему подсказки, затем играл на равных, а в последние годы готов был и сам получить у сына фору.

Крутые лесенки из прихожей ведут на антресоли, где находились детские комнаты.

Из верхней комнаты в гостиной вывелись — и нашему взору открывается знакомая по многочисленным снимкам комната, в которой прожил гимназические годы Владимира Ильича. Железная кровать за печкой, небольшие столик, шкаф, заставленный полками, подвешенная на стене, в тесноте вонючие с половиной лет служил Владимиру Ильичу. Все в этой крохотной, низенькой — до потолка достать рукой — комнате как-то особенно волнует. На полках и на столе учебники и книги, оторванные чистый Владимир Ильич в гимназические годы. Тут «Что такое?» Чернышевского, «Спартак» Джованьоли, «Записки охотника» Тургенева, томик Некрасова и Добролюбова. На столе похлябные листы и книги, которыми пользовался Владимир Ильич в последние годы учебы, вышки из классного журнала и табели успеваемости.

Рядом — комната Александра Ильича — старшего, самого любимого брата, которому Владимир Ильич во всем старался подражать. Тут книги он привозил из Петербурга во время каникул дядьки. Разговоры с братом, чтение литературы демократического направления рано пробудили у Владимира Ильича интерес к политическим, экономическим и общественным вопросам.

Многие молодые посетители дома Ульяновых перешагивая в свои блокноты лежавший на столе план гимназического сочинения Александра Ильича. Ровными строчками лежат на листе бумаги четко сформулированные мысли: «Самое главное в жизни — чтобы был полезным обществу и государству».

Для полезной деятельности человеку нужны 1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание.

Эти черты характера и выразились в характере самого автора сочинения. Они проявились еще с большой силой в самый откровенный, решающий момент жизни. Александра Ильича, принимавшего участие в неудавшемся покушении на царя, готовивший к казни через повешение. Когда мать, привившая на старание перед казнью, стала уговаривать, чтобы сын подал прошение о помиловании, он сказал ей: — Мама, я не могу этого сделать, это было бы неискренне.

Мать же старалась больше уговорить Александра Ильича и только, прощаясь, сказала: — Мужайся!

8 мая 1887 года Александра Ильича казнили во дворе Шлиссельбургской крепости. Вещь об этом происшествии дала Ульяновым в Петербурге известность. Володя в гимназии Чингу горя переносило еще и то, что Анна Ильичина, унывшая в Петербурге, была аресто-

вана по делу своего брата. Все это всколыхнуло, подняло таиншею в сознании юного Ленина чувство недовольства общественным строем, протест против царского приговора, проявляло его мировоззрение и заставило искать революционный путь борьбы против самодержавия. Успокаивая тогда убитую горем мать, он сказал:

— Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти.

Из детских комнат есть выход на балкон. Отсюда виден весь двор — «гигантские шахты, на которых можно взлетать так, что дух захватывает, крокетная площадка, сарай, конопши и каретник, колодезь, летняя кухня, малая лейка фонтан, а дальше — город и сад. В саду стоят вот так готовые расцвести почки яблони и вишни; крыжовник и смородина уже зеленеют. В глубине сада, окруженная кустами жасмина и акаций, стоит беседка, в которой летними вечерами устраивалось чаепитие.

В конце усадьбы возвышается каменное двухэтажное здание, построенное уже после отъезда Ульяновых из Симбирска. Сейчас здесь помещается филиал Центрального музея имени В. И. Ленина. В документах и материалах которого подробно рассказывается о жизни и деятельности великого теорета революции, основателя Коммунистической партии и Советского государства.

— Домик Ульяновых... Чем дальше в нем находишься, тем глубже знакомишься с укладом и бытом его обитателей, тем яснее видишь, какую огромную роль в формировании личности Ленина играла дружная, сердечная обстановка, господствовавшая в этой замечательной русской семье. Тут складывались основные черты ленинского характера: твердость, поразительная скромность и глубокое внимание к людям. Тут закладывались основы необычайной работоспособности Владимира Ильича, самодисциплины и целеустремленности.

IV. РОДИНКИ ГОРЯЧИХ ЧУВСТВ

Круг знакомых семьи Ульяновых когда-то был ограничен. Гости редко бывали в их доме. Зато теперь с утра до вечера несильным потоком идет сюда люди всех национальностей, всех профессий, всех возрастов. Гости приезают из самых отдаленных уголков нашей страны, из всех стран мира.

За 27 лет существования Дома музея в Ульяновске в нем побывали миллионы. Записи, оставленные посетителями в книге отзывов, — это чистые родинки горячих человеческих чувств. В них отражены душа, чаяния и стремления народа. Если перелистать все шесть томов записей, по ним можно составить вполне полное представление о том, что волновало народ нашей страны в разные периоды. Записи периода первой пятилетки полны лавоса и слез, то, что индустриальная индустриализация страны будет осуществлена. Записи, сделанные в тяжелые годы Великой Отечественной войны, звучат как жалоба отстоять свободу и независимость советской Родины, разбить врага.

— Писну левой рукой, — читаем мы одну из записей, — так как правая ранена в бою с врагами человечества — с фашистами. С большим волнением осматривая я дом, где жил величайший человек нашей эпохи В. И. Ленин. Буду бороться за свободу трудящихся так, как боролся всю свою прекрасную жизнь любимый вождь Владимир Ильич Ленин.

В записях сегодняшних дней посетители Дома музея как бы делятся с Владимиром Ильичем своими надеждами и мечтами, которые вывели у них решения XX съезда Коммунистической партии, Директивы о шестой пятилетке.

Группа молодежи пишет:

«Мы живем в Доме-музее, все так просто и прекрасно, как сама жизнь. Жить так, бороться и трудиться, не жалея сил для счастья человечества, как жил Ильич, как боролся и победил он, — вот мечта миллионов строителей коммунизма».

А вот запись студентов:

«Нам не забыть тех слов, которые заведая он молодежи: учиться, учиться и учиться. Мы с честью выполняем свой долг перед Родиной. Его образочно важно жить с нами в учебе, в работе, в борьбе».

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске. Вверху — комната Владимира Ильича, внизу — столовая семьи Ульяновых.

Фото А. Немцова.

«Здесь многому можно научиться. Простота и строгость, соединенные с теплом дружбы, чувствуются в каждой комнате. Именно такими, какими они были в семье Ульяновых, должны быть семейные, общественные и трудовые отношения в нашей советской семье».

«Очень хочется быть во всем похожим на В. И. Ленина».

«Прекраснось перед всей семьей Ульяновых, их скромность в быту и генеральство в жизни».

«Будем ленинцами», — выведено ученическим почерком.

«Клянемся, товарищ Ленин, — пишут воинственно, — что будем с честью стоять на страже великих завоеваний Октября».

В книгах отзывов встречается запись не только на всех языках народов Советского Союза, но и на многих языках мира. Китайские иероглифы, немецкая готика, арабская вязь, французская и польская, болгарская и чешская письменность, как цветы, аялись в этот чудесный венок всенародной любви. Они подтверждают, что ленинская идея дружбы находит сторонников на всем земном шаре. Китайские рабочие, делая впечатление, полученным в Доме-музее, пишут:

«Мы полны решимости бороться до конца за дело пролетарской революции. Да здравствует советско-китайская дружба!»

Многих посетителей волнует вопрос: принимают ли какие-нибудь меры, чтобы сохранить домик Ульяновых как можно дольше. Об этом спрашивают у экскурсоводов, об этом пишут в письмах.

«Я никогда не бывал в Ульяновске, — писал инвалид Отечественной войны из Архангельска, — но меня, как и всех советских людей, интересет и глубоко волнует, какие приняты меры к сохранению нашей святыни — дома В. И. Ленина. Мы еще на фронте, в окопах бесконечно с товарищами об этом. Дом ведь деревянный, со временем может прийти в ветхость».

Этот вопрос волновал и нас. Но работники музея заявили, что сделано все возможное, чтобы сохранить драгоценный памятник для грядущих поколений. Бревна дома пропитаны специальным составом, предохраняющим дерево от разрушения. В комнатах установлена специальная система, позволяющая постоянно поддерживать одинаковую температуру и влажность в любое время года. Домик Ульяновых в таком виде, как сейчас, простит века.

***

На Венце, откуда к юности Владимир Ильич любовался волжскими просторами, сегодня возвышается на гранитном пьедестале могучая фигура Ленина. В зальце, накинутаю на плечи, как живой, и перед ним расстелается родной город, ставший крупным индустриальным центром, неоглядные просторы Родины, где всюду живет ленинская ювь, — гидростанция, заводы, колхозы, стройка, на которых трудятся советские люди, осуществляющие вечно живые ленинские идеи.

М. ВЕЛИЧКО

ЮНОСТЬ ЛЕНИНА

Только на третий день после приговора селита Обер-прокурор Неклюдов принял в большой кабинет и села у двери в ожидании, когда ее пригласят к столу.

Неклюдов перелистывал страницы лежащей перед ним обертки папки с крупной надписью «Дело 1-го марта 1887 года» и остановился на обвинительном заключении в части, касающейся бывшего студента С.-Петербургского университета Александра Ильича Ульянова. Он хорошо знал это дело, помнил собственные возмущающие заявления царя на полях записки судебного процесса. Обложка была перечерчена размашистым угловатым почерком: «На этот раз бор нас спас, но надолго ли? Спасибо чинам и агентам полиции, что не дремлет и действует успешно. Александр».

К делу было приложено письмо Ульяновой на высочайшее имя. На нем стояла резолюция царя:

«Мне кажется желательным дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность ее милый сыночек».

Тут же находилась записка министра внутренних дел на имя директора департамента полиции Дурново следующего содержания:

«Нельзя ли воспользоваться разрешением государем Ульяновой свиданием с ее сыном, чтобы она уговорила его дать открытое показание, в особенности о том, кто кроме студента устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удалиться, если подействовать покуснице — матери».

Внизу стояла приписка Дурново: «Вызвать ко мне г-жу Ульянову завтра к 12 часам».

«Представляю себе эту беседу! Много ли добьешься с полнейшими замашками там, где требуются поддельность, покусниченность? — Представляю, подумав прокурор, перелистывая страницы. Он положил немало сил, добиваясь участия в этом громком политическом процессе, и сейчас от успешного завершения дела зависело весьма многое, и прежде всего продолжение его, Неклюдова, в сенате. Личная благодарность государю — это не шутка, господа сенаторы!».

Неклюдов пробегал глазами по судебному отчету, осекая в памяти некоторые подробности процесса, и, перелистывая страницы, случайно взглянул на дверь. Там на краевом стуле, возле портьера, сидела пожилая женщина. Особенно бросалась в глаза ее серебристые волосы в сочетании с черным строгим трауром.

Неклюдов поднялся. Еще во время судебного процесса он приглядывался к этой dame, одиноко сидевшей в полуотомленном зале сената.

— Прощу вас ближе, сюда, к столу! — Неклюдов широким жестом указал на большое круглое кресло.

Мария Александровна подошла к столу и вопросительно взглянула на прокурора, волнуясь, не зная, с чего начать мучительный для нее разговор, от которого завесила жизнь ее сына.

Молчанье прервал Неклюдов.

— Собственно, мне уже заранее известна цель вашего визита, — мягко начал он, чуть пригнув глаза и ласково глядя на нее. — Отвечая сразу на интересующий вас вопрос: слишком тяжела преступная деятельность Ульянова, чтобы иметь хотя бы какую-нибудь надежду на высочайшее помилование, вы должны это понять. — Секуляру помолчать, он ожидает внимательным взглядом фигуру убогой горемыки — женщины и вкрадчивым тоном продолжает: — Чем愈 скрывать, мы с вами пожимые люди, будем трезво смотреть на вещи: надежды нет!

— Ищите молчанье, пауза, рассчитанная на психологический эффект.

— А впрочем... — Он поднялся и, глядя на

В повести «Юность Ленина», отрывки из которой публикуются в этом номере, рассказывается о детстве и юношестве сына годов жизни Владимира Ильича — его родных и друзей. Главные выходы и подзаголовки «Молодая гвардия» и будет печататься в журнале «Юность».

папку с делом, задумчиво, как бы оценивая только что прошедшую на ум мысль, слегка рывисит, проведя рукой по волосам, — многое зависит от вас самих, сударыня! Более того... — Он еще раз внимательно взглянул в ее лицо, — можно сказать с уверенностью: жизнь сына в ваших собственных руках!

— Как вы скажете? — В ее глазах засветилась надежда.

Повторяю: теперь все зависит только от вас!

Мария Александровна недоумоуно, взволнованно смотрела на Неклюдова. Он сел за стол и, не глядя на нее, стал перебирать бумаги, продолжая выслушивать равнодушным тоном:

— Остался невыясненным некоторые детали дела: фамилия и адреса соучастников — приверженцев партии народолюбцев. Не ясно, кто же, собственно, подбивал юной на преступление, кто ими руководил...

Он замолчал, выкатывая взгляд на Марию Александровну, и продолжал более веским тоном:

— Этим ваш сын значительно облегчил бы свою участь. У вас была бы тогда возможность податывать перед государем инвентарь о сохранении его жизни. Но он молчал, неопытен, и его безрасудное молчанье во многом усложняет дело.

— Но что я должна делать, что требуется от меня?

— Сударыня, не мне учить вас этому... Вы мать! Вам не трудно убедить вашего сына, объяснить его ошибки, заблуждения. Повторяю: не мне учить вас этому.

— Нет, он на это не пойдет! — поспешно возразила Мария Александровна.

— Тем хуже для него, для вас и, пожалуй, для всей вашей семьи! — сказал он с угрозой в голосе.

— Но Сама об этом не будет даже слышать!

— Повторяю, вы мать! Материнская любовь способна творить чудеса.

— Нет, нет, на подлость он не пойдет никак!

Неклюдов поморщился:

— Что значит «подлость»? Все в мире отшельно! Любые средства благородны, когда они направлены родителями на утешение, церкви и отечеству на пользу.

— Но неужели нет иного выхода, неужели никто не понимает, что по молодости своей он мог заблудиться?!

— Стыдитесь, сударыня, вы еще сами не уяснили всю глубину вины вашего мальчика, поспешно отводящего ответственность на отцовство, ваша дочь тоже привлечена к ответственности как сообщница преступления. Кажется, у вас есть еще сын? Жаль, очень жаль, что воспитание детей находится в руках столь легкомысленных родителей.

Мария Александровна вскинула, хотела было резко возразить, но услышав воли сердечала себя.

— До сих пор меня никто не упрекал в дурном воспитании детей, сударь, — проронила она негодуя, возмущенно глядя в лицо прокурора, ставшее откровенно наглым.

Неклюдов нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

Он подыскивал его выходы из себя отныне миссионерской Ульяновой. Он ни минуты не сомневался, что эта измученная горем женщина пойдет на все, сейчас же согласится с ним, с благодарностью примет предложение.

А там, в дальнейшем, можно снять тяжесть с себя — обязательно, что-нибудь придумать. В конце концов все решают государь... А тут вместо ожидаемой удачи — непонятное управление. Он готов был оборвать беседу, но мысль, что это зависит только от нее, в общественном мнении, заставляла его сдерживать себя.

«Спокойствие, прежде всего дело!» — подумал он, нервно шевеля пальцами, и, насилию осветив свое лицо улыбкой, подошел к Ульяновой. Склонившись, взглянул в ее глаза и заговорил прохаживающим тоном:

— Я понимаю ваше горе, сударыня, вы мать. Потерять такого сына... Он молодой, полон сил, ума, таланта, и, если бы не все случившееся, из него, быть может, вышел бы большой ученый. А вместо этого... безвременная гибель. Из-за чего? Благодаря случайности, по глупости, из-за опрометчивого, необдуманного шага. Я понимаю: по легкомыслию он очутился в чуждой ему среде, выкатался вредных, пагубных идей, и это довело его до катастрофы. Они, его случайные порочные друзья, только они являются причиной всех ваших страданий, слез и мятарств. И теперь наш долг — немедля его спасти! Действовать надобно решительно и быстро. Не теряя ни одной минуты, иначе станет поздно: приговор будет приведен в исполнение. Сударыня, поймите это!

Он замолчал, глядя, какое впечатление произвели его слова. И продолжал укоризненно выслушивать:

— Покажите сына, будьте же матерью, не упрямьтесь, добейтесь от него чистосердечного признания, и, обещая, вы уедете отсюда вместе с ним... — Он зашагал по комнате и, не ожидая повиснуть голос, горнично вскрикнул: — Где же вы, где же теперь его сплести? В руках ваших жизнь сына, оставьте его горворить!

Здесь Неклюдов почувствовал, что он сфальшивил, ему не следовало так прямо, в лоб, указывать на цель, к которой он настойчиво стремился.

Мария Александровна гневно взглянула на прокурора.

— Мой сын никогда не пойдет на подлость! — проговорила она дрожащим голосом. Неклюдов вернулся к столу и, глядя на бумаги, холодно отчеканил, скандируя слова:

— Очевидно, вы сами хотите его смерти? Что же, приговор будет приведен в исполнение, и немедленно. Пейните на себя, сударыня... Больше, и сожалению, ничем не смогу быть вам полезнее.

И он раздраженно захлопнул папку, дав понять, что аудиенция окончена.

Мария Александровна машинально направилась к выходу из кабинета, но, взвзвывая за ручку двери, остановилась. Нет, она не могла уйти отсюда, вопрос стоял о жизни ее сына! Она поспешно вернулась к столу.

Простите, милостивый государь, мою горечивую просьбу, но, пожалуйста, не забудьте о его спасении. Я знаю, если вы захотите, будет все по-вашему. Теперь все зависит только от вас! — Губы ее задрожали, она опустила голову.

В его глазах вспыхнуло скрытое торжество.

— Я уже сказал, если вам действительно дорога жизнь сына, убедите его назвать имена соучастников.

Он резко поволил в настольный колокольчик, холодно поклонился и быстро вышел из кабинета.

Вошедшей дамой с любопытством разглядывала убогую горем женщину. Он уже все знал о личности седой dame в трауре.

— Пожалуйте к выходу, из сентельского окошечка! — крикнула ей услужливо Мария Александровна бестрастным голосом.

Через два дня Мария Александровна получила разрешение на свидание с сыном.

Сану поместили в одиночной камере Петропавловской крепости. В маленькое запыленное окошко под потоком едва прорвался слабый, рассеянный свет. Прикованный наглухо к стене железная койка, толстый железный лист, прикрученный к стене и заменявший стол, служили мебелью. Поражала особенная, немая тюремная тишина, повставшая изолетью от внешнего мира, когда даже собственные мысли кажутся громкими и невольно путаются, не послушались ли их кто-нибудь случайно.

С приходом посетительницы на стол поставили огарок ослышавшей свальной свечки. Тусклый свет от нее, колеблясь и вздрагивая, придавал и без того мрачной камере еще более неприглядный вид.

Саня был спокоен, просил мать не волноваться, не принимать так близко к сердцу все го случившегося; расспрашивал о Володе, об Ане, как переносит она пребывание в тюрьме, уверял, что скоро ее выпустят, что она ни в чем не замешана и взял ее только по подозрению, «для острастки».

Мария Александровна старалась не выдать своего волнения, держалась спокойно. Зная характер сына, она не рещалась рассказать ему о прощении прокурора. Единственное, на что она еще надеялась,— это прошение на высочайшее имя. Но когда она попыталась об этом намекнуть, он стремительно поднялся и стал раздраженно ходить по камере. Чувствуя себя виноватым за свою беспечность, с винованной нежностью, опустился на пол у ее ног, положил голову к ней на колени и, глядя в ее лицо, просил простить его горничность.

— Саша! Сашенька!..

С печальной лаской она глядела голову сына, перебирая пряди темных волос.

Присутствующий в камере молодой прокурор задумчиво посмотрел на них и, отойдя к двери, повернулся спиной.

— Саша... сынок, я тебя прошу...
— Знаю, я виноват перед тобой, мама. Я причиню тебе столько мучений, но иначе и поступить не мог, проси... Он замолчал и добавил тихо и очень просто:— Кроме долга перед семьей, у меня еще есть долг перед родной, пойми меня.

— Сашенька, я тебя прошу... Она смотрела на него крохотки, умоляющим взглядом.

— Нет, мама, это невозможно,— ответил он мягко, но решительно и бережно поглядывая в руку.

— Подумай о семье, они остались без отца... подумай обо мне...

— Мама!— Он нетерпеливо поднялся, но сдержал себя и тихо произнес:— Пойми, это же не поможет, такие вещи не прощают. Да и не могу я просить о помиловании после того, что было на суде. Ведь это было бы неискренне.

Мария Александровна смотрела в его большие строгие глаза. Отвечалась, чтобы не раздражалась.

К прокурору подошел тюремный надзиратель и, выслушав, указав на циферблат. Тот кинулся.

— Саша!— приподняла мать.

— Или, мама, пора. И пойми, я совершенно спокоен.

Он подолевал ей руку и подвел к двери. Она остановилась. Не в силах смотреть ему в глаза, спросила в задушевной тишине:

— Может быть, тебе что-нибудь надо, сын? Может быть, что-нибудь принести тебе?
— Нет, нет, мне ничего не надо!— поспешно ответил он.— А впрочем... Он задумался и нетерпеливо сказал:— Мне бы хотелось почитать Гейне...

У двери она шепнула:

— Я еще приду к тебе.

К нему снова шла мать, с усилием отворачивая от него и быстро, не оглядываясь, вышла из камеры, боясь потерять при нем самообладание. И когда за ее спиной с лязгом захлопнулись двери, она пошатнулась и, теряя сознание, упала на пол. Прокурор хотел было взять ее под руку, она поспешно отстранилась и, собрав все свои силы, пошла по коридору.

Тюремные служители с невольным уважением провожали взглядом скорбную фигуру матери, но терпеливое и величавое достоинство в своем безмерном горе.

«Мы пойдем другим путем».

С картины П. Белоусова.

На улице было сумрачно и холодно. Резкий ветер гнал с моря плотный, серый туман с дождем. Она прошла через узкий мостик на каменный молельный двор, мимо тяжелого собора с трюбичными русских императоров. Суровая тишина изредка нарушалась бряканьем оружия часовых.

Отдавшись гнетущему чувству, она, сгорбившись, устало шла по пустыям, безрадостным улицам. Низкое серое небо темнело, сгустились тяжелые, свинцовые сумерки. Пряча крыши в туманной вышине, смуро глядели на нее наспившиеся дома. Мокрые черные деревья печально покачивали голыми ветвями. Она вышла на безлюдный Троицкий мост и затерялась в тумане, стеной нахлынувшим с залива. Колодежный ветер рвал одежду, пронизывал нглами, холодил душу. Подойдя к парапету моста, она замедлила шаги. Из серой ватной измороси на секунду показался взметнувшийся вьвь тонкий золотой шпиль. Она скала до боли в пальцах мокрые чугунные перила моста, вглядываясь в вечерние опертания Петропавловского собора. Но скоро он снова скрылся в новой волне набежавшего тумана.

Она стояла, не замечая ни ветра, ни дождя, ни холода, надеясь хотя бы еще раз увидеть то страшное место, где оставался ее сын.

Когда уже совсем стемнело и тусклый, мертвенный свет газовых фонарей стал робко пробиваться сквозь белую мглу, она медленно направилась по сырым, холодным улицам в чужой дом коротать бессонную, полную тревожного ожидания ночь, скрывая свое душевное смятение от посторонних глаз. А внутри опять нло было бегать по присутственным местам, добиваться приема влиятельных сановников, хлопотать отсрочки того ужасного, неумолимого, чего она не в состоянии была себе представить, что не укладывалось в ее расуде.

Через два дня она снова выхлопотала короткое свидание. На этот раз шла окрыленная надеждой: распространялся слух, что казни все-таки не будет, что царь свистнул и решил помиловать всех осужденных. Сердце матери легко поверило радостному известию.

Остановка, при которой состоялся эта встреча, была особенно тягостна. Сану поместили за думцы решетками. Между ними лениво расхаживал часовой. На таком расстоянии в полутемном помещении едва можно было разглядеть лицо, один только глаза блещали в полумраке. Прильнув к решеткам, они долго глядели друг на друга. Хотелось многое сказать, мигнуть сердиться, но расстояние не позволяло. Говорить громко в присутствии

назирателя и часового не могли: слишком большое чувство переполнило их сердца. Не открывая взгляда друг от друга, они хорошо понимали все без слов. Сын читал в ее лице надежду, радость, и это вселяло в него покой. Она встречалась с его решительным, мужественным взглядом, и это делало ее счастливейшей...

Через несколько минут торжественный назиратель оповестил об окончании свидания.

Отрываются от решетки, она простилась с ним взглядом, полным безмерной любовью... — Мужайся, сын! — прозвучала она вполголоса и этими словами, сама того не зная, проводила его на казнь.

***

Известие об исполнении смертного приговора пришло в Симбирск десятого мая утром.

Прочитав в газете «Правительственное сообщение» Володз замер.

«Приговор... над Ульяновым... приведен в исполнение 8-го его мая 1887 года...»

Он смотрел на эти страшные слова и никак не мог вынуть их из истинного смысла. Он не мог бы даже оспаривать то, что скрывалось за этим сухим официальным сообщением. Он стоял, оцепенев от внутреннего холода, и друг отчетливо услышал, как в тишине комнаты тикают часы, и почувствовал, что так же громко бьют его сердце...

Он поймав себя на том, что читает заметку несколько раз подряд и никак не может отрваться от этих страшных слов. Неужели Саши, их близкого, родного Саши, нет уже в живых? Как же так? Как это могло случиться?...

Он всколыхнул и стал быстро ходить из угла в угол по комнате: садился, вскакивал и снова ходил и ходил, не находя себе места. Как же все-таки это случилось? Как же так? Саша, добрый Сашенька, Неужели действительно не нет уже в живых? Самый родной, самый лучший человек из всех людей, каких он только знал, и вдруг... казнен на виселице как опасный государственный преступник... Это не удавалось в его сознании, это было непонятно страшно, чудовищно!

Не в силах больше оставаться среди четырех стен, испытывая тоскливую боль, он выбежал в сад и сел на скамейку, потирая заломанные от горя виски пальцами, он цокал сухими слезы. Обморачивая жизнь человека, талантливого, полного сил и разумом... Каким же надо быть настоящим и смелым, как надо верить в свою правду, чтобы, несмотря на все преграды, хорошо зная, чем это грозит, упорно идти к цели, которую надо иметь, славу молча, чтобы жертвовать ради счастья народа самым ценным — своей жизнью! Да, когда человек прав, он не боится ничего на свете. Они поняли: нет Саша, который мог бы его слышать. Будет же они трудом прокляты, убийцы! Это они думают все живое, мыслящее, передающее в стране, это они загубили отца, а теперь брата, разбили жизнь матери, семьи...

Закусив губы и сжав кулаки, он всколыхнул и стал быстро ходить по дорожкам сада. Все в нем трепетало, мучительно, как кино, он был охвачен гневным протестом; едкая точка жгла сердце, сжимала горло. Ему казалось, что и здесь, в этом цветущем саду, было тесно и душно. Он стремительно вышел на улицу и направился к реке. Шел быстрым шагом, ничего не замечая вокруг, как будто хотел обогнать свои бурные, непокорные мысли.

Он за все ответил, за все: за отца, за брата, за поруганное достоинство, за страдания и слезы... Уничтожить тупой мир бездумия, безмудрости, деспотизма, разрушить темное царство, где нельзя не только свободно говорить, но даже мыслить, — посвятить этой цели всю свою жизнь, отдать этой борьбе всего себя!.. Да, теперь он знает, «что делать». Сейчас, в эту тяжелую минуту, он особенно ясно увидел ту цель, к которой должен стремиться.

Быстро спускаясь по тропинке к берегу, он внезапно остановился, пораженный пришедшей на ум мыслью:

«...прав ли я? Саша? Он так было поступить, как кто? Да, он погубил в неравной схватке, как герой. Это несомненно! И все же... прав ли он?»

И тут же эта мысль была отвергнута: как же может быть иначе? Володя вспомнил, как он пошел медленнее. Тропинка извивалась

среди кустарника вдоль берега реки. Он шел и припоминал отдельные сказанные Сашей фразы, интонации его голоса, жесты, черты его характера — сочетание внешности, внутренней силы с подкупающей скромностью. Его речь всегда была звучна и убедительна, и в ее тихом, но жестком подражке ему; быть таким же правдивым, честным, требовательным к себе, таким же принципиальным, каким был он...

Тропинка привела его к одинокой скамейке. Володя машинально опустился на нее и стал пристально смотреть на медленное течение реки. Он думал о брате, и в нем рождалось странное, необъяснимое и чуждое, тоскливое ощущение пустоты, бесцельности этого героического приключения. Почему? Он допускал, что брат и его товарищи могли бы достичь своей цели. И что же дальше? Не будет этого царя, так будет новый, еще более жестокий, — ведь Саша сам об этом говорил, — и все останется попрежнему, нет, много хуже. Как ублюдок, как ублюдка Александра-ососободителя?.. Так что же делать? Перестать бороться, опустить руки, жалеть?.. Он понимал: здесь нужно что-то совсем другое... Нужно создать такую обстановку, при которой, убрал царя, — удалось бы уничтожить А. Это можно было сделать ни одному, ни двум, ни десяткам, хотя бы самым смелым, решительным и сильным, таким, как Саша. Это может выполнить только народ. Да, весь народ, когда поймет он необходимость революции, своих сил, не надеясь ни на кого, он сможет уничтожить общество, основанное на угнетении, ненависти, лжи. Саша сам говорил, что молодой рабочий класс — только он! — поведет за собой народ, укажет ему верный путь. Так, значит, идея не была все-таки напрасной, значит, идея не была, ни все же обманчива?..

Потрясенный этим выводом, Володя подышал, сделал несколько прыгистых шагов вперед, вернулся и опять опустился на скамью. И сидел он одна минута, гнетущее, что он больше никогда не увидит брата... Его вывел из задумчивости Маняша. Она привела к нему друзей.

Когда Дима прочел в газете «Правительственное сообщение», победив на Манше, он был в доме Ульяновых оказался незапертой, и они вошли во двор. На крыльце одиноко сидела Маняша. Обернувшись, она взглянула на гимназистов заплаканными глазами. Они молча стояли, не репаясь с ней заговорить.

— Подойдем, — тихо сказала она и повела их через сад к реке.

Володя сидел, сторбившись, держа в опущенной руке газету, и пристально смотрел на воду. Острый взгляд слегка прищуренных глаз Димы, приподнятые крылья намуренных бровей, озабоченная складка на лбу, крепко сжатые припухлые губы, чуть опущенные под углом, слегка выходящие вперед подбородок выявляли в нем напряженно работающую мысль.

Маняша и Дима молча переглянулись. Маняша осторожно взял из рук Володы газету и спрятал в карман его тулужки; подняв с земли фуражку, стряхнул с нее пыль и положил на скамью.

Маняша села рядом с братом, хотела было что-то сказать, но, встретившись с его взглядом, не выдержала и, уткнувшись лицом к нему в плечо, тихо заплакала.

Володя ласково обнял ее худенькие вздрагивающие плечи.

— Не плачь, не надо: придет время, они за все ответят... За все!

Он замолчал и снова задумался. Как ни велика была его любовь к брату, как ни велико его преклонение перед его героизмом, он понимал: террористический путь борьбы с самодержавием ошибочен, не достигнет цели. Повернувшись к товарищам, он произнес с чувством глубокого убеждения:

— Нет, мы пойдем не таким путем, не таким путем, как надо!

Маняша взглянула сквозь слезы на мужественное лицо брата, и эти слова, сказанные им убедительно и просто, так, что ни нельзя было не верить, запомнились ей на всю жизнь.

***

Мария Александровна пришла в Симбирск вечером, когда уже совсем стемнело. Отправив возницу за несколькими переулками от дома, она

пошла дальше пешком. Ее странник соблазновудие лица соседней, ненужные распросы, вздохи, притягивания.

На улицах было тихо и безлюдно: обыватели ложились спать. Чем ближе она подошла к дому, тем сильнее билось ее сердце. Вот наконец и дом под топиона. Она с волнением остановилась у крыльца. Потонула было позвонить, но заметив протиркутую калитку, вошла в дом с черного хода.

Ничего не слыша, она вошла в столовую и облокотилась о косяк двери. Сердце утешено билось, от волнения подкашивались ноги... За столом, под большой висцелей лампой сидела отец, и каждый занимался своим делом: Митя показывал Володе свою тетрадь, а Володя что-то говорил, а Маняша, высунув от напряжения кончик языка, увлеченно рисовала красками; Оля склонилась над раскрытой книгой.

Володя сидел окруженный младшими и старшими братьями особенно внимательным к ним. Своим внешним спокойствием он стремился отвлечь их от тяжелого горя, сам непрестанно думая о нем, и это постоянное напряжение стоило ему громадных усилий. А тут еще на сердце было так тяжело на аттестат зрелости, к которому надо было серьезно готовиться, и он старался подавить свое чувство, считая себя не вправе отдаваться переживаниям, когда на нем лежала моральная ответственность за благополучие семьи.

— Маняша, ты все белая, совсем, совсем седая! — вскрикнула, случайно оглянувшись, Маняша и бросилась навстречу.

— Манюшка, ты все белая, совсем, совсем седая!

С печальной улыбкой она заглядывала в розовые ласковые лица.

Никто из них не спрашивал о брате, как будто об этом безмолвно договорились, понимая, как ей тяжело упоминание о нем. И когда Маняша было занукалась, Митя сделал такое грозное лицо, что она застыла с открытым ртом.

— Володошка, побудь со мною, — попросила Мария Александровна, когда уложила детей спать.

Она обняла его за плечи и привлекла к себе, вглядываясь в его лицо.

— Володя, будь осторожен, следи, береги себя, не рискуй напрасно. Промыт тебя об этом ради детей, ради памяти о Саше. Больше всего волновала его судьба семьи... Голос ее дрогнул.

Дорогая мамочка, постараюсь избежать опрокинувшись в себя, буду осторожен, обещаю тебе это. Можешь поколотиться на меня, — он ласково обнял мать, с глубоким участием заглядывая ей в глаза, и тут же почувствовал, что не может, не должен скрывать от нее своих мыслей... Но ты понимай, мама, невозможно жить без участия в общественных делах. Без этого нельзя ни учиться, ни работать. Невозможно оставаться в стороне от тех событий, которыми живет страна. Ты должна это понять, мама. Я знаю, ты меня поймешь.

— Ну вот, Володя, ты же видишь, что губы ее задрагали. Володя взглянула в ее болельные, полные мужика глаза. Встретившись с ним взглядом и не в силах больше бороться с собой, она привала к его плечу и впервые за эти тяжелые дни безудержно и горько рыдала слезами.

— Какое горе, какое горе! — шептала она сквозь слезы.

— Ну вот, опять... Ты же обещала мне не плакаться! — Он оторвался поглядывая ее руку и украинкой смахнул навернувшую слезу.

Сидя в кресле, она вглядывалась в морщинистое скорбное лицо. «Сколько же ей пришлось, бедной, пережить, одной, в чужом, незнакомом городе, без поддержки, без участия!» Ему хотелось что-нибудь сказать ей в утешение, успокоить, но любые слова казались несмысленными.

Володя понимал: надо дать ей волю выплакаться. Он молчал и бережно глядел ее поседевшую голову.

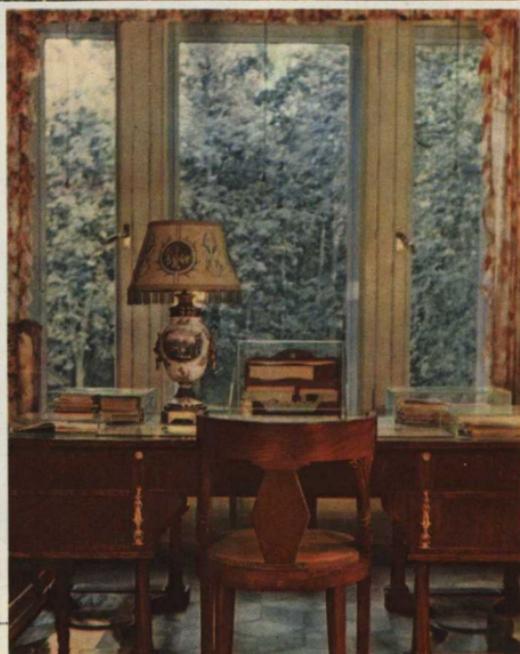
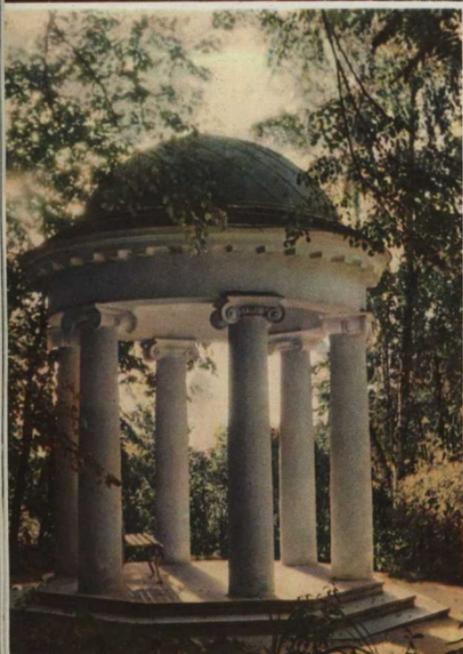
Она увидела сквозь слезы его усталое, скорбное лицо и впервые заговорила о своем горе: о суде, о первом свидании с Сашей, о встрече с Аней в доме предвратительного заключения, о страшной минуте чтения приговора...

Подтаявая дупинище ее слезы, она вела свой рассказ, стараясь припомнить подробности событий, которые пришлось ей пережить одной в те суровые, страшные дни.

И. Бродский. Фрагмент картины «Ленин в Смольном».

Центральный музей В. И. Ленина

ЖИЗНЬ В ГОРКАХ

Рассказ «Маша в Горках» написан по воспоминаниям Марии Михайловны Сысоевой, старшего члена партколлегии дозорной бригады совхоза «Люднорыба Иванна Васильевна Бабушина».

Мария Ильинична, уходя в парк, сказала Маше: — Смотри, чтобы Владимир Ильич не встал, а в случае чего позвони мне.

Маша на цыпочках вошла в столовую и села на стул у двери, боясь шевелиться, чтобы Владимир Ильич не заметил, что она за ним наблюдает.

В мае он заболел. Ему нельзя было подниматься с постели. Все в доме было охвачено гриппом.

Маша Сысоева жила в Горках, полагая по хозяйству в семье сестры Александры Михайловны, домашней работнице Ульяновых. Осенью она по совету Надежды Константиновны собралась поспустить на отдых.

Задумавшись, Маша не заметила, как Владимир Ильич встал с кровати, подошел к столу, быстро перелистал начально забытую Марией Ильиничной книгу, снова лег и, увидев испуганный взгляд Машы, улыбался, погрозив ей пальцем.

Скорее Владимир Ильичу стало легче. Он начал ходить в парк, но ему еще нельзя было читать книги и газеты, «чтобы не давать тонкую напряженную работу мысли», как говорили врачи. Он подчинился требованиям, но сказал маме Надежде Константиновне: «Я хочу сделать так, чтобы я не думал!»

В парке Владимир Ильич встречался с детьми, разговаривал, шутил с ними.

Владимир Ильич открыл в парке под мохом грибной тайник и был очень доволен, когда находил там грибочки, корзинки борозовки.

Он рассказывал, как вкусно солили грибы в Сибири, прибавляя в него салат мяту.

Отдыхая, Владимир Ильич много гулял с каждым из детей, набирался сил.

Квандир Кривдлеской школы Грина, назначенный в охрану к Ленину, рассказывал Маше, как однажды он, получив задание сопроводить Владимира Ильича во время прогулки, пошел за ним в некотором отдалении. Вышел из парка следом за Ильичем, Грина неожиданно погрозил ей взглядом сверху в лес и скрылся за густым устарником. Только спустя час Владимир Ильич вышел из леса и с радостно-торжествующей улыбкой, συνοпья ругая охранника, прошел мимо сторожеского курсанта.

— Он ведь старый подполковник! — добавил, как бы оправдываясь, Грина.

НА ВЛАДИМ: Горки Ленинские, Вверху — дом-музей В. И. Ленина; внизу слева — беседка, где любил отдыхать В. И. Ленин; справа — рабочий стол Владимира Ильича. Фото В. Гринева.

Вскоре Владимиру Ильичу разрешили читать и работать. Он сидел в раскладном кресле и со строгим надзором листал страничку за страничкой журналы.

В конце сентября Владимир Ильич совсем поправился. Оранды погасили осенью в Кавказской Константиновной и Марией Ильиничной проводил в Кисловодск лес за брусничной. Взяли с собой и Машу. Когда проехали деревню Богданску, проехали по главной улице рыбачьей.

Лесу было тихо. Пахло грибами и хвоей. Углубляясь в лес, она думала о Грине, о том нравился за этот статный смуглый парень. В свободное время дни с ним катались на лошадке, а накануне долго гуляли вечером по тихим аллеям парка. Маша стало так радостно, что захотелось петь. Голоса у нее большого не было, она пела только для себя.

Скорее ее позвали, и она пошла к маме.

— Погляди, Володя, какой прекрасный бунет надела Маша! — сказала Мария Ильинична.

Вернувшись в Горки, Маша поставила бунет в столовой, а сама побегала к сестре за обедом.

На третьи был ароматный барбарисовый кисель, который Владимир Ильич очень любил. Еще утром Маша набрала в парке полную корзину этих вишенок, но корзинка похоних ягод.

Куда она поставила кисель на стол, Владимир Ильич, лунаво прищурившись, сказал:

— Маша испугалась: «Как же Владимир Ильич догадался про тайник? Может быть, видел нас в парке?»

Надежда Константиновна и Мария Ильинична выжили, но смотрели на нее, улыбаясь.

Куда она поставила кисель, Владимир Ильич спросил:

— Вы, оказывается, поете?

— И я вступаю петь умею?

— Не села, когда жила в Ленинском.

Владимир Ильич прочитал частушку про Советский светотитан:

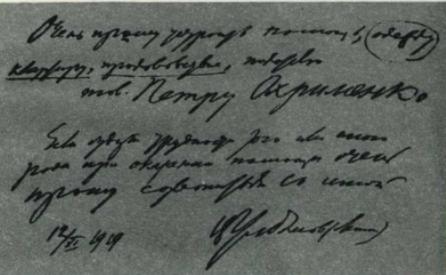
— Помните это слета?

— Что вы, Владимир Ильич, да разве я сразу запомню «смуглый» Маша.

Через несколько дней Владимир Ильич переехал из Горки в Москву и третьего октября 1922 года ушел в отставку из Комиссаров Совариума.

Маша потом слышала от Грине, что Ленину готовили торжественную встречу с приветственными речами, но он явился первым, задолго до начала заседания, и сам встретился сразу за воротами в 3 часа 30 минут вечера при полном объяван заседании Совета Народных Комиссаров открытым.

Ольга ТАРАСЕВИЧ

ЗАПИСКА ЛЕНИНА

Это было поздней осенью 1919 года. Я приехал в Москву из Каменки, взяв с собой благодеяйца. Меня пригнали у себя давний родственник, который делил со мной не только свой скудный паек, но и одежду, так как в Украине я прибыл гол, как сокол.

В эти-то суровые, памятные дни я перелел с английским одно из революционных стихотворений Эдварда Карпентера и отнес его к «Правду». Секретарем редакции тогда была Мария Ильинична Ульянова. Я обратился к ней, и она направила меня к редактору. Стихотворение одобрили, и 7 ноября 1919 года оно было опубликовано.

Когда через несколько дней я пришел в редакцию за гонораром, Мария Ильинична сказала мне, что Владимир Ильич просил ее разузнать обо мне более подробно и доложить ему. Я рассказал Марии Ильиничной о моем тяжелом материальном положении. Внимательно выслушала меня, она велела зайти на другой день.

В назначенный час я в солидном переступил порог редакции. Легко представить себе мою радость, когда Мария Ильинична

вручила мне записку от самого Ленина.

В этой записке¹, адресованной в соответствующую организацию, говорилось:

«Очень прошу устроить помощь, одежду, квартиру, продовольствие, податело

тов. Петру Охрименко.

Если будут трудности того или иного рода при оказании помощи очень прошу соизвоиться со мной.

12/XI 1919 В. Ульянов (Ленин).

Скорее после этого мне обещали ассн. необходимо помощи

В тех пор прошло почти 37 лет, но годы не в силах ослабить во мне чувство невыразимой благодарности великому вождю трудящихся, который при всей своей огромной занятости уделял столько трогательного внимания простому, незнакомому ему человеку, проявил позитивное отеческую заботу о его судьбе.

Разве такое можно забыть!

П. ОХРИМЕНКО, переводчик член Союза советских писателей СССР

¹ Публикуется впервые.

Солбон АНГАБАЕВ

ЛЮДИК

Вместе с сыном в тайгу убегают отец, чтобы укрыться в зеленом тумане.

Каринтин. Хмарь в лесу, словно вездельный дым. Задыхается зверь здесь и птица.

Каринтин. И влзуд рядом под камнем седым солнце в струях прозрачных дождевых. — Жизни! Спасенье! Аршан!

И родник-леденец на улыбку улыбка отвел. В нем прошедшее детство увидя отец, сын же зрелость увидя в расщете.

И отец крикнул сыну: — Выстрел! Не спи! Сын сплутится к воде не боялся.

Он, прозрачную воду с ладони испив, засмеялся, и лес засмеялся. Засмеялась земля. И тужавый туман увидевши и прочь улизался. Для спасенья народа пробился аршан, для людей средь тайги повлился.

Я сидел среди черных бурятских ночей и, забыв про метель ножену, о великом вожде, о родном Ильиче слушая эту легенду живую.

Я сидел в новом клубе у Гэри-реки, повторяя все снова и снова: свозь камня невзгод, как в тайге

пробивалась здесь Ангина своего родника. И сплало до слова народ от чумы в зимний холод и в жаркое лето, выводи всех бурятых из царской

на простор Забайкальского края С бурят-монгольского перевода В.С. ЖУРАВЛЕВ.

Было время такое: приходила чума, и становилась тужавая земля. Вымирала советская вымирала дома, и уалса в те дни вымирала.

Эпидемия — горе, понятное всем. И болензе за утратой приносят утрату. А бедно такое поделавшись с кем? Кто в несчастье поможет буряту?

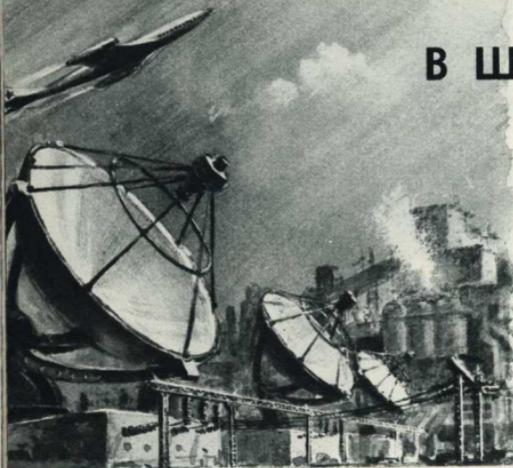
Сын не ест и не пьет, злым недугом томим.

Сын единственный. В сердце тревога. Мать в тоске безмолвной скапливал над ним, да свернула ступба у порога.

Смерть, седая и страшная, словно зима, в блаженной, как черная птица. И в колодах чума, так что негде бурту напиться.

Каринтин. Небо грузное, словно свиноец. Солнце мечется, будто в кашкане.

В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ

В. А. БАУМ,

доктор технических наук

Среди знойных песков и каменных равнин стоит необычная электростанция: ее приводит в действие... солнечные лучи. Преобразованные в электрический ток, они освещают жилища, орошают поля, выполняют многие другие работы...

Такой станции еще пока нет, но строительство ее — дело недалекого будущего, оно возможно благодаря успехам, достигнутым в области теплотехники — науки о прямом применении солнечной энергии для всевозможных технических целей.

В разных странах, в том числе и в СССР, ученые работают над проблемами солнечной энергии. Сейчас, в связи с последними достижениями физики полупроводников, перед теплотехникой открылись широкие перспективы. Некоторые ученые полагают, что со временем энергия солнца будет широко использоваться наряду с энергией атомного ядра и гидроэнергией.

Уже достигнуты немалые успехи в области использования солнечной энергии для нужд людей. В Средней Азии, например, где бывает особенно много жарких дней в году, существует около ста «солнечных» бань, которые «оттапливаются» за счет солнечного тепла. В этих же районах овец успешно выращиваются круглый год в «солнечных» парниках: дневное тепло солнца аккумулируется — сохраняется в грунтовых аккумуляторах, а потом расходуется для нагревания теплицы в холодные ночи. Разработаны и испытаны небольшие солнечные

паровые котлы, солнечные опреснители, солнечная кузница, по мощности равновесная 500-ваттной электрической плите.

Очень удобным и экономичным оказался и солнечный холодильник советской конструкции. Он приводится в действие паром от солнечного котла и может вырабатывать в день до 250 килограммов льда. Представьте себе, как много удобств дают такие холодильники и солнечные кухни населению Средней Азии, Закавказья и других южных районов нашей страны.

Сейчас научные исследования по теплотехнике сосредоточены в основном в специальной лаборатории, созданной несколько лет назад Энергетическим институтом Академии наук СССР. Здесь ведутся опыты по применению солнечной энергии, делаются расчеты солнечных устройств, создаются новые их конструкции, координируются работы, осуществляемые в других научных учреждениях.

В шестой пятилетке коллектив лаборатории продолжит разработку солнечных устройств, которые можно будет применять не только для бытовых нужд, но и в промышленности, в сельском хозяйстве.

Недавно в лаборатории завершена работа над проектом солнечной электростанции мощностью в тысячу киловатт. Она предназначается для наиболее теплых районов страны, где ежегодно выдается не менее двухсот солнечных дней; такая станция сможет снабжать электроэнергией — а зимой и

отоплять — поселок с населением в 20 тысяч человек.

Солнечные электростанции со временем могут стать замечательным средством преобразования природы. Во многих пустынях, например, в Кара-Кумях, солончаки залегают неглубоко. Сейчас они только засоляют почву. Но в будущем, когда здесь вырастут солнечные электростанции, мы сможем посредством насоса поднять солончаки на поверхность, очистить их от соли с помощью солнечных опреснителей. Этой водой можно будет орошать засухливые земли, поить скота.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ВЕЩЕСТВА

С. Н. ДАНИЛОВ,

член-корреспондент Академии наук СССР

Каждому известно, что весь органический и неорганический мир, все окружающее нас вещества в природе состоит из молекул.

У одних веществ, например, у воды, сахара, углекислого газа, молекулы очень малы по своим размерам. Это, так сказать, молекулы «малютки». У других веществ, например, масел, жиров, смол, молекулы превносятся у молекул по весу в десятки тысяч раз. Мы называем их «макромолекулами», а вещества, состоящие из них, — высокомолекулярными соединениями. Высокомолекулярные вещества широко распространены в природе. К ним относятся целлюлоза, или клетчатка, каучук, хитин и, наконец, белки.

А можно ли высокомолекулярные вещества добывать искусственным путем в лаборатории, на производстве, спросите вы. Оказывается, можно. Но прежде чем люди додумались до этого, прошло немало времени.

Когда первые колонизаторы проникли в Южную Америку, они обнаружили в местных племенах странные шари, упругие и эластичные. Это был каучук — застывший млечный сок тропического дерева. Открытие показалось в то время европейцам бесполезным. Три столетия, по крайней мере, минуло с тех пор, пока каучук нашел себе применение, а затем приобрел широкое распространение в промышленности, особенно с изобретением автомобиля. Колонизаторы бросились разводить каучуковые плантации. Ученые в разных странах стали искать способы получения искусственного каучука.

Эту задачу впервые блестяще решил замечательный русский ученый академик С. В. Лебедев. Благодаря его открытию каучук стало возможным получать из такого дешового и распространенного сырья, как древесина, вернее, из винного спирта, добываемого на основе гидролиза из древесины. Искусственный каучук можно получать также из продуктов разложения нефти.

Сейчас ученые поставили перед

В лаборатории разработано также новый солнечный термоэлектрогенератор, мощность которого составляет 40 ватт. Сущность конструкции состоит в том, что, помещая в вакуумную камеру из параболоидальной формы, нагревают термоэлектрическую батарею, которая и дает постоянный электрический ток.

В шестой пятилетке мы намерены создать термоэлектрогенераторы большей мощности. Будем также работать над проблемами отопления жилых и промышленных зданий солнечным теплом, над другими важными вопросами солнечной энергетики.

с собой задачу — получить каучуки, которые не только не уступали бы по качеству природному, но и превосходили его разнообразием своих свойств: пластичностью, эластичностью, безостойкостью и т. п. Над этой проблемой работают сейчас ученые Института высокомолекулярных соединений Академии наук нашей страны.

Как известно, синтетические высокомолекулярные вещества с успехом используются в пластических массах. Кто не видел пластмассовой посуды, пластмассовых деталей в радиоаппаратуре и в электротехнике! Но область применения пластмасс можно значительно расширить. Представьте себе, например, самолеты или океанские корабли, построенные из пластмассы. Преимущества их перед обычными судами и самолетами немалы: ведь пластмасса во много раз легче металла и часто не уступает ему в прочности...

Есть другая интересная проблема, также связанная с созданием высокомолекулярных соединений. Это — синтетическое волокно. Из продуктов разложения каменного угля и нефти получают синтетические капрон, из целлюлозы еловой древесины — вискозу и многие другие синтетические волокна. Советские ученые решают сейчас задачу получения искусственных волокон с заранее заданными качествами. Известно, что производство таких волокон в 1960 году составит до 330 тысяч тонн.

Одним из сложнейших высокомолекулярных веществ является белок. Белок — основа всей органической жизни — полностью еще не разгадан наукой. Какие условия, чтобы искусственным путем получить его? В настоящее время ученые, применяя высокие давления, стреляют в лабораторных условиях по белковым молекулам из так называемых «ионистиков». Полная разгадка тайны белка откроет перед человечеством небывалые возможности, а поэтому подвигает его к проблеме создания искусственным путем животной материи.

АЛКАЛОИДЫ

Сабир ЮНУСОВ,

действительный член Академии наук Узбекской ССР

Несколько лет назад в узбекских степях наблюдались случаи таинственного заболевания, которое сопровождалось острыми поражениями желудка, печени, дыхательных органов. Упорно искала медицина причину заболевания, ее возбудителя, но поиски оставались тщетными. Тогда на помощь врачам пришла группа ученых-химиков. Их исследования химических свойств растений привели к разгадке тайны. Оказалось, что болелье вызывали ядовитыми веществами, которые имеются в ряде сорных трав. При уборке урожая семена этих трав иногда смешивались с зернами пшеницы и отравляли ее.

Найдя причину болезни, люди научились бороться с ней. Яд, обнаруженный в семенах сорняков, представлял собой один из видов алкалоида — особого органического вещества.

Алкалоиды содержатся во многих растениях. Употребленные в небольших дозах, они оказывают благотворное воздействие на живую организм. Вот эти-то их свойства наука и обратила на пользу человека.

Более двадцати лет назад я познакомился с известным русским ученым А. П. Ореховым, страстным исследователем алкалоидов. Встреча это определила весь мой жизненный путь.

Я занялся изучением природы моей родины — Узбекистана. По богатству флоры эта республика представляет как бы естественную

лабораторию для исследователя. На ее обширных горных пространствах обнаружено более 4 тысяч видов дикорастущих растений. Узнать их свойства, поставить на службу людям — стало моей мечтой, целью жизни.

Из года в год настойчиво и упорно изучали мы родной край. Свыше 3 тысяч видов растений подвергли детальному исследованию. Результаты превзошли ожидания. Мы обнаружили 116 алкалоидов, из них 60 ранее неизвестных.

В горах Тянь-Шаня, например, найден алкалоид цитизин, малые дозы которого способны возбуждению центральной дыхательной системы, что бывает необходимо при хирургических операциях.

В медицине широко применяется алкалоидный препарат курарин — средство, расслабляющее мышечную систему. Этот препарат раньше вводился из-за границы. Сейчас в Узбекистане найден отечественный источник курария.

В шестой пятилетке работы по изысканию новых алкалоидов получают еще более широкое развитие.

Я уверен, что общими усилиями ученых и практиков в ближайшие годы мы дадим народу немало новых алкалоидных препаратов, которые облегчат лечение многих болезней, помогут человеку в его борьбе с недугами.

с ее мелководными родственниками.

Итак, в природе известны гиганты. Одни из них созданы руками человека путем отбора, селекции. Другие же...

Вот о них-то и пойдет речь.

В конце прошлого столетия известный российский ботаник Гересимов занимался исследованием взрослых. Он изучал степень влияния на их рост различных условий внешней среды, включая химические вещества и т. п. Один из опытов привел к важным результатам: под воздействием холода клетки водоросли увеличивались по размеру. Так впервые в науке были получены искусственным путем клетки-гиганты, или полиплоидные клетки.

А спустя десять лет голландский ученый Де Фриз обнаружил гигантские формы ослиника — растения лесных опушек. Полиплоидия была открыта в природе.

Какова ее природа? Ответ на этот вопрос дает наука о клетке — цитология. Представьте себе клетку в самый ответственный момент ее жизни — в момент деления. Вообразите, что условия, в которых она находится, — температура, давление, химическая среда — резко меняются. Деление приостанавливается. И вот вместо двух клеток, которые получились бы, если бы процесс шел до конца, остается одна, но увеличенная вдвое.

Вот это-то явление и носит название полиплоидии. Наиболее верным признаком ее является увеличение числа хромосом. Например, одна пшеница-однозернянка имеет 14 хромосом, а ее ближайшая «культурная» родственница — твердая пшеница — 28, мягкая пшеница — 42.

Этот процесс роста может при определенных условиях идти и дальше. Иначе говоря, можно получать клетки, у которых аппарат будет увеличен вчетверо, в восемь, в шестнадцать раз. Как после этого не помечать о яблока величиной с арбуз или пшеничных зернах размером с куриное яйцо!

Полиплоидные формы у растений могут быть созданы искусственным путем, например, под воздействием тепла или холода,

различных химических веществ (алкалоидов, наркотиков), оперativenным вмешательством и т. п.

Значение этого явления становится огромным, если представить огромные площади зерновых культур в нашей стране. Достаточно урожайность на них повысить хотя бы на один процент, чтобы собрать дополнительно многие тысячи тонн зерна. А ведь некоторые полиплоидные формы, уже проверенные на практике, дают урожай на 60 процентов выше обычного! Такова, например, водотерпеливая гречиха с зерном, которое хотя и не достигает величины куриного яйца, но в полтора с лишним раза крупнее и тяжелее обычного. Так же повышена урожайность и у тетраплоидной кукурузы, клевера и ряда других культур. Помимо, какую большую роль смогут сыграть полиплоиды в борьбе за высокий урожай — за 11 миллиардов пудов зерна!

В шестой пятилетке цитологи совместно с селекционерами будут участвовать в выведении новых сортов растений, которые по величине плодов и по урожайности должны, назового, превзойти все известные до сих пор. На основе разработанного генетики способа сейчас получают высокоурожайные гибридные самки кукурузы. Но ценные качества таких самов обычно чередуются — два поколения уже теряются. А с помощью полиплоидии удается закрепить лучшие качества гибридных растений на много поколений. Огромное значение имеет то, что полиплоидия восстанавливает плодородность отдаленных гибридов, которые обычно почти вовсе бесплодны.

Так ученые, перелавывая природу, заставляют ее еще лучше служить человеку.

РАСТЕНИЯ-ГИГАНТЫ

М. С. НАВАШИН,
доктор биологических наук

Представьте себе душные и сочные ягоды величиной с... яблоко. Представьте яблоко величиной с арбуз, а арбуз размером с мальчишья шаровая.

Что это? Досужий вымысел романтиста или научно обоснованная мечта?

До сих пор подобных плодов и яблок никто не видел, никто не вырастил. И, тем не менее, создание их не является досужим вымыслом.

Вам, вероятно, доводилось отвеживать сочные и ароматные яблоки «апорта», которые выращиваются в садах Казахстана. Сравните их с мелкими кислыми плодами дикой яблони. Это великаны и лилипуты! А ведь когда-то, в доисторические времена, на земном шаре росли только дикие яблони. Сравните крупный молдавский черешню с его прародителем или пышную садовую хризантему

Подземный вестибюль станции «Автово».

На эскалаторе.

И М Е Н И Л Е Н И Н А

Все свои победы и достижения советский народ неизменно связывает с именем Владимира Ильича Ленина, великого вождя коммунистической революции, создателя Коммунистической партии, основателя нашего Советского государства, человека, который миллионам людей озарил путь и счастье. Самые величественные сооружения трудящегося Советской страны называют его именем. Днепрогэз имени Ленина... Волго-Донской судоходный канал имени Ленина... Завод имени Владимира Ильича... Московский метрополитен имени Ленина...

Имя великого вождя присвоено также одному из прекраснейших сооружений нашего времени — ленинградскому метрополитену.

Метро теперь есть не только в столице, но и в Ленинграде. Уже пять месяцев курсируют под городом голубые экспрессы, и жители Ленинграда привыкли к метро так же, как и москвичи.

...Девушка поднимает белый кружок, и под сводом нового подземного вагона раздается голос: «Готов!» Поезд плавно трогается с места и через несколько секунд исчезает в тоннеле.

Раньше, чтобы проехать на трамвае от площади Восстания до Автово, нужно было затратить около часа. Поезда метро проедут это расстояние за 17 минут. Линия метрополитена соединила вокзалы Московский, Витебский, Варшавский и Балтийский.

Когда прохорьшь по светлым подземным вестибюлям станций, невольно думаешь: сколько труда надо было затратить, какие золотые руины надо иметь, чтобы создать величественные сооружения, парадоксальные своей архитектурой, отдаленной, красотой линий!

Все это сделали руины наших рабочих, наших инженеров, руны воспитанной партии и комсомола молодежи. Тысячи юношей и девушек самоотверженно трудились на стройке ленинградского метро. Имена многих из них мы не раз встречали в газетах, слышали по радио. Это бригады проходчиков Владимир Васильев, монотажник-инженер Михаил Романченко, монтажники Анатолий Зотов, гидромониторщица Любовь Терентьева и другие.

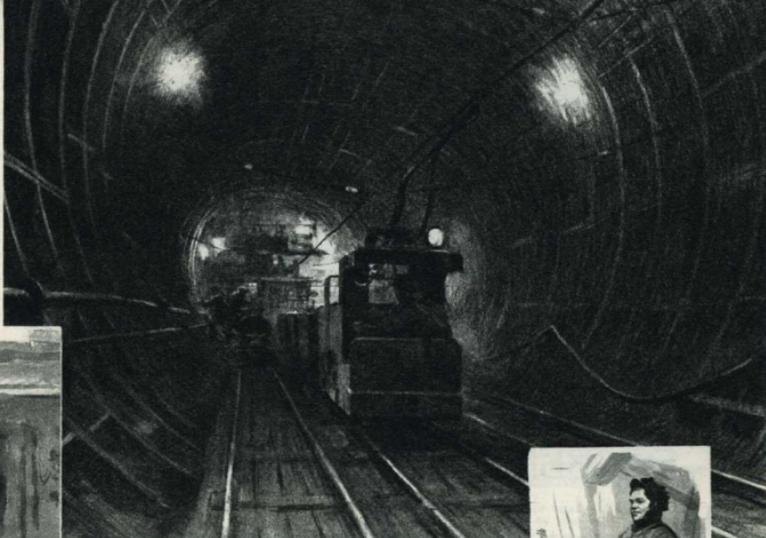
О том, как строился ленинградский метрополитен, его шаг в первых рядах строителей, как выглядит сейчас станции метро, рассказывают рисунки художника В. И. Шнисто, которые мы помещаем на этой странице.

На трассе

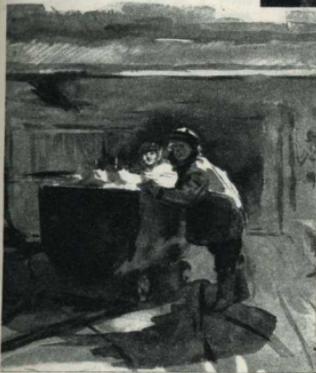
Мы под землей? Неправда этой!
Сияют люстры с высоты,
Здесь столько воздуха и света,
Посторо, стройной красоте!
Лучатся розовые своды,
Искает радужный хрусталь,
...Уже сигнал и отправление подан,
И поезд умчался вдали,
Бегут подземные дорожки,
Мелькают станции-дворцы,
И многоцветные потоки
Слышат в различные концы,
Какая станция прекрасней?
Едва ль ответить сможешь ты,—
Сегодня мы на новой трассе
Осуществившей мечты!

Р. КРАСИЛЬЩИКОВА

г. Ленинград.

Электровозная откатка.

← Откатчицы у створа.

Проходчик в забое. ↓

Машинист В. Новикова,
награжденная орденом «Знак
Почета».

Проходчик комсомолец Г. Новгородский,
награжденный медалью «За трудовую доблесть».

Комсомолец-бригадир
М. Тузин.

На репетиции пьесы «Мораль пани Дульской» в Центральном театре транспорта. На сценке слева направо: Е. Ковальская, Ю. Левчицкий и А. Бжезинский. Фото Г. Борисова.

ПЕРВЫЙ УСПЕХ

Новый Союз называют на юге Польши городом смыслов дыльщиков, администров и страстных театралов. Вот почему, когда и спросил Анджея Бжезинского, выпускника режиссерского факультета ГИТИС, давно ли он связан с театром, то в ответ услышал всю жизнь.

Новый Союз изданная славила самодеятельной драматической труппой. В ее репертуаре были произведения польской и зарубежной классики. Спектакли нередко ставились внеднейными польскими режиссерами.

В этих спектаклях часто играли родители Анджея. Мать его умерла рано. Отец, которому не на кого было оставлять ребенка, брал сына с собой на репетиции. Чего мальчик не путался под ногами, его усаживали на немский шкаф. Оттуда, точно из ложи первого яруса, он с любопытством наблюдал за игрой актеров-любителей, пока по ходу действия отец не падал от ударов бурбофорского меча. Тогда Анджею раздавались громким плачем. Репетиция прерывалась, и Монтеки с Капулетты, забыв кровную вражду, принимались утешать маленького зрителя.

Шестнадцати лет Анджею и сам записался в драмкружок. В одной из постановок ему поручили играть роль старого склячника-горца. Большой знаток театра, профессор лицей Голховский обратил внимание на способного ученика. Он часто беседовал с юношей, давал ему книги, а домашние сочинения поручал писать только на театральные темы.

По окончании гимназия Анджею готовился поступить на режиссерское отделение Высшей театральной школы в Варшаве. Юноша не боялся трудностей. Он знал: в новой Польше перед молодежью открыты все пути и ему не придется, как отцу, всю жизнь быть только артистом-любителем. Но на экзаменах в Варшаве

случилось непредвиденное: Бжезинского не приняли из-за отсутствия профессионального опыта. Анджею очень обиделся, решил, что к нему отнеслись несправедливо. Хмурый, ни на кого не глядя, шел он в тот день по коридору школы. Вдруг кто-то окликает его. Юноша обернулся и увидел Леона Шиллера, тогдашнего руководителя режиссерского факультета театральной школы, крупнейшего мастера польской сцены.

— Что вы теперь собираетесь делать? — спросил Шиллер. — Поеду домой, буду играть, ставить пьесы, а на будущий год вернус сюда.

— А если вас опять не примут? — Уеду и через год снова попытаюсь счастья.

Леон Шиллер внимательно посмотрел на Анджея. Потом, поджав одного из своих ассистентов, вступил в разговор.

— Отведете этого юношу в школу режиссеров театральной самодеятельности. Скажите, что я прошу принять его...

Начались годы напряженной учебы. Вместе с другими студентами Анджею участвовал в школьных постановках, в спектаклях Театра польского. Анджею вступил в Союз польской молодежи.

По окончании школы Бжезинского направили на учебу в Советский Союз, в Ленинградский театральный институт имени А. Н. Островского.

Ленинград... Юноша давно мечтал побывать здесь. Ведь великий Ленин когда-то жил в его родном крае.

Горы, у подножия которых Анджею вырос, Владимир Ильич хорошо знал и любил проводить с ним вместе со своими русскими и польскими друзьями. Он часто беседовал с бедняками-гуралами, изучал их жизнь. Он помогал им советами.

И вот Анджею идет по городу, носщему бессмертное имя вождя

революции. Как и для каждого, впервые приехавшего в Ленинград, город начинался для юноши от Смольного, с бывшего дворца Кшесинской и других исторических мест.

Через год Бжезинского перевели в Московский институт театрального искусства. Узнав, что на его курсе учатся студенты восемнадцати национальностей, Анджею на первых порах растерялся. Но когда во время перерыва к нему подошел кореец и, протянув руку, сказал по-русски: «Здравствуйте!» — Бжезинский понял, что ему будет легко жить в этой многонациональной семье.

Он быстро вошел в дружный студенческий коллектив. Молодые люди вместе готовились к семинарам по основам марксизма-ленинизма, изучали с помощью советских товарищей русский язык, пели друг другу народные песни, бродили по Москве, занимались спортом.

Особенно любил Анджею посещать репетиции в жилых комнатах. Вместе с друзьями он часами прожигал в пустом темном зале, посреди которого на столе режиссера мерцала единственная лампочка; наблюдал за тем, как рождался спектакль. Потом эти репетиции продолжались уже в воображении студентов, когда они возвращались в общежитие, споря друг с другом и волну мстителя о самостоятельной работе.

На третьем курсе Бжезинский поставил отрывок из пьесы польского писателя Брандеса «Справедливые люди». Исполнителями были его одноклассники — студенты из Чехословакии, Венгрии, Румынии и Белоруссии. Поклонив репетицию, Анджею сам превратился в актера и под руководством румына Иона Максимиляну репетировал роль Траханаки в сцене из «Потерянного письма» Караджаке. Потом играл Луку в фрагменте из драмы «На дне» Горького, которую ставил москвитянин Николай Архангельский, старого слугу в «Ресконе о Чухе-Хане», поставленном самим автором пьесы — корейцем Ким Кваи Саком, и другие роли. Так во время учебы юноша знакомился не только с советским искусством, но и с национальными особенностями театра и драматургии других стран.

Безмерно растаял своих питомцев преподаватель. Художественный руководитель курса народный артист СССР Ю. А. Завадский никогда не навязывал будущим режиссерам своего мнения, а старался помочь им найти собственное правильное решение.

Нинешней зимой Анджею и его товарищи сдали последние экзамены. Будущие режиссеры начали разбегаться в ближние и дальние города — ставить дипломные спектакли. Бжезинский остался в Москве. Центральный театр транспорта предложил ему поставить пьесу Габриэли Запольской «Мораль пани Дульской», вот уже колесом не сходящую со сцены многих стран. Анджею предстояло вывести свою

первую режиссерскую работу на суд требовательного московского зрителя. Юноша, не колеблясь, принял предложение театра.

В Центральном театре транспорта Бжезинского приняли тепло, по-дружески. И все же ему было очень трудно. Работать приходилось сразу в нескольких направлениях: знакомить актеров с эпохой и всесторонне изучать пьесу, добиваться вместе с исполнителями правильной трактовки образов. Анджею читал актеры, переводя прямо с листа, произведений писателей, в которых она возрастала в судьбе героев пьесы. Потом откладывал книгу и рассказывал о нравах доенной Польши. Вспоминал все виденное на репетициях в Варшаве и в Москве, советовался с однокурсницей Вентой Везунович, которая участвовала в постановке этого спектакля в Риге. Слава Горького: «Театр, обаяние перед зрителем гниущейся сущности мяснанина, должен возбудить презрение и отвращение к нему» — стали девизом Бжезинского.

И вот уже позади огорчения и радости большой совместной работы молодого постановщика и актерского коллектива. Как было вложено в работу, так и вышло. Но так ли это на самом деле, окончательно должен решить зритель.

Наконец был назначен день премьеры. Распалуха занавес — и начался обычный день в доме пани Дульской. Если бы на сцене сейчас случилось какая-нибудь «янычка», Анджею уже не смог бы выдержать, помочь. Сейчас он был просто зрителем...

Громкие аплодисменты и голоса: «Режиссера, режиссера!» — заставили Анджея подняться на сцену. Он вышел смущенный, взволнованный от нахлынувших чувств, от охватившей его радости первой победы.

Когда спектакль оканчивался, режиссеры, актеры, рабочие сцены собралась за кулисами, чтобы обсудить только что полученное письмо. В нем было написано: «Делегация Польской Объединенной Рабочей партии на XX съезде КПСС шлет всему коллективу Центрального театра благодарное слово за успешную инициативу и большие достижения в постановке пьесы Габриэли Запольской.

Ваш творческий труд и энтузиазм служат благородному делу дальнейшего сближения и дружбы между нашими народами.

Примите наш сердечный привет.

От имени польской делегации — Берт.

Москва, 26. II. 1956 г. Вместе с письмом была приложена огромная корзина цветов. Анджею смотрел на нежные лепестки и вспоминал зрелищное родное края. Они растут там на горных кручах, и в долину их приносит только упорные, решительные люди...

М. ИГНАТОВ

К. АЛТАЙСКИЙ

ВОЛГА

Шумят в жигулевских просторах дубравы,
Кушавы цветут и поют соловьи.
И Волга
Торжественно и величаво
Несет неоглядные воды свои.
Бесами шланфуны прибрежные камни,
Тетет она —
Глади зоркальтой ясеней,
И небо со всеми его облаками,
Памышущими вдаль,
Отражается в ней.

В сознание вошла она с мудростью сказок,
С законным наследством сокровищ
родных,
Как светлая рагула репинских красок,
Как ранний сердце
Некрасовский стих.

На Волге,
Где в дымке весенних туманов
Таилась симбирских садов благодать,
Родился Владимир Ильич Ульянов,
Чтоб в тысячелетиях
Лениным стать.
Здесь родина Горького.
Волжские были
Взвалили в сто книги сердечный теплою.
Здесь Чкалову
Снимали олимпийские крылья.
Здесь насмерть сражались мы с лютым
врагом.

Я родом из Сызрани.
Свое детство
Провел я безмятежно в этом краю.
Но Волгу —
Какую я знал с малолетства —
В сегодняшней Волге не узнаю.
Вдали где-то ухает бас аммонала,
И гамбы срываются, прах шевелят.
И от жродаских
Больших самосвалов
Дрожит и дымится родная земля.
Сивистят вагонетки, летя по калитам,
Висниши над Волгою.
Пены баяя
Звываются чайки вагоной крылатой
Над будущим морем
У круч Жигулей.

Глядишь, и невольно равняешь с орамами
Алихих верхолазов за смелый их труд:
Висят арматурщики под облаками,
И сварщики вахты на небе несут.
Вемотрисы!
Комсомоальцев на стройке не горстка,
А войско.
И все, как на фронте, они.
Огни Жигулевска,
Огни Комсомальска —
Огни Комсомальска —
Какие тут всё молодые огни!

И это ль не сказка?
По воде природы,
Чтоб молнией сделать послушной руке,
Всех павловок выше поднимутся воды
На Волге, крупнейшей в Европе реке.
С судьбой народа
И в скорби и в славе
Смалась она, видно, навеки, друзья.
Как нашу Москву без Кремля не
представишь, —
России без Волги
Представить нельзя.

Тракторы готовы к выезду в поле.

В ПАВЛОДАРСКОЙ СТЕПИ

Фото А. Скурихина.

Совсем недавно на этих бескрайних просторах лишь гулял ветер да похляпывали седые овчарки. А теперь не узнать Павлодарскую степь. Она стала дремучая земля. Обычные урожаи вырывают на ней конюши и ревуши, приехавшие сюда по зову партии, по великому горячим новосельским страстям.

За два года Чигиринская МТС завоевала славу передовой машинно-тракторной станции в области. Советский народ снабдил новоселов мощной сельскохозяйственной техникой — тракторами, комбайнами, автомобилями. Одинок только тракторов здесь более четырехсот! Восемьдесят тысяч гектаров целины подняла молодежь за два года. Хорошо подготовились молодые механизаторы и в третий весне. Они совершенно отремонтировали инвентарь и без опоздания приступили к полевым работам.

Когда наступают сумерки, в степи зажигаются сотни огней. Это поселок Чигиринской МТС. После трудового дня трактористы, комбайнеры, водители автомашин проводят досуг в спортивном клубе. До позднего вечера не смолкают в поселке веселые песни, звучат переды баяны...

Крепко обосновались целинники в Павлодарской степи, по-хозяйски устранивают свою новую жизнь. Ведь приехали они сюда не на один год.

Воодушевленная историческими решениями XX съезда партии, молодежь машинно-тракторной станции настойчиво добивается трудовых успехов, на пробужденной и мизин земле борется за высокие урожаи хлеба для любимой Родины.

Наступил обеденный перерыв. Агитатор Иван Кухарь читает трактористам бригады В. Заглюно свейний номер «Правды».

торговый порт Холмск

Татьяна ВИРТА

стрел СОКРОВИЩ

коркаковском рыбокомбинате. К восемнадцатому сентября команда выловила восемьдесят шесть центнеров рыбы, переваливая годовой план. А вперед еще осенняя путнина — сезон на анивскую жирную сельдь.

...На маленьком рыболовном катере «Краб» мы шли уже больше часа настрелу вылавливаемому из-за моря солуну. Утренний туман еще не рассеялся. В этот час серые и красивые строения Корсакова, кожий пире рыбокомбината с прилепившимся к нему рыбацкими ботами-«жучками», большой пассажирский пароход «М. Ломоносов», стоявший у причала — все это в дымке тумана казалось невесомым, призрачным. Чем ближе мы подходили к проливу Липневу, тем море становилось плотнее, сменяя желто-голубоватый оттенок на густой синий цвет.

Часов в семь команда забросила первый траул — огромную сеть со стальным бревом на конце. И тот день улов был небогатый: добыли отщип камбалы, а сезон на горбушу еще не начался. Сеть была битком набита разнообразными обитателями океана: плоскими розовыми скатами и маленькими, как брошки, звездами, шаршавыми морскими червями с раздвинутыми пастью и выгнутыми глазами и вьюнами, напоминающими змей. Особенно много было крепких двустворчатых раковин и «картошек», приплюснутых с одним щипом. Под конец мы даже вытащили маленького осьминога, и рыбаки посадили его в отдельную бочку, «в торжок». Они правдивы, старого моряка: не выпускают в море опасного для человека хищника. Голубой камбала была непременно мало.

...Что же вы будете фотографировать, рыбы-то маловато? — покосившись на мой «ФЭД», спра-

сил мне моторист катера Николай Маркушев. — Вы бы раньше прийти ехать надо, вот когда мы рыбу брали...

По правде говоря, больше мне хотелось сыграть самого Николая, и я давно уже пыталась это сделать, но пока безуспешно. Каждый раз, когда кадр был скомпонован и ставилось только шелкнуть, нам «корабль» с новой силой подбрасывало на волне, и я хваталась за трос, чтобы не упасть. И все-таки я не теряла надежды.

Николай вносил в жизнь маленького бота боевой дух, и все любовались его работой. После каждого траула тщательно драли от узкую палубу, корну и нос, а машинным отделением все у него бестелом, молодые матросы беспрекословно подчинялись его командам: они стремились подражать Николаю. Неуклюжий комбинезон не мог скрыть морской выпраки, которая, видимо, на всю жизнь остается у тех, кто служил на флоте.

— Стоп траул Обед! — раздавалась команда.

За общим столом старшина катера Иван Марков, расстреленный неудачным ловом и пресекавший все попытки своего экипажа подуться над этим обстоятельством, обратился ко мне:

— У нас на острове для рыбака дел хватает. Вы еще не видели, как горбуша в речку на перест идет — вот посмотрите бы. Я все своей жене говорю: «И что тебя на материк тянет? Все равно такого богатства, как здесь, ты нигде не увидишь. А что квартира некая? — так это не все сразу. Будет и квартира». Работа наша, конечно, не из легких, но, если разоробаться, ничего особенного... Присутствовавший при разговоре секретаря коркаковского горкома комсомола Петр Зайнцев горячо перепал Маркова:

Моторист катера «Краб» Николай Маркушев.

— Как это, Иван, «ничего особенного»? А поминь, а путины туттаки домыли! Воды! море штормует, а тебя невозможно от траула оторвать. Ребята в тот день говорили: «Наш старшина не успокоится, пока все кривая, какому море плавают, и где у нас не окажется». Это раз. А потом чья инициатива траул поставить на катере?

Траул действительно поставили. И как ведь это потому, что нам прощаться не хотелось. Рыбные суда нашего типа с траулом не ходили, — пояснил мне Иван, — они приспособлены только к сетям и к крусам. А мы соорудили лебедку и научили ребят с блоками обращаться. Только вот рыбы нет...

...Ничего — это у вас вроде репутация, — утешала я Маркова. — Ты, Иван, не скромничай, а расскажи лучше о своих успехах, — начал было Зайнцев.

Но заставить Ивана говорить на эту тему было невозможно. Он пропустил вопрос секретаря мимо ушей и принялся угощать меня чем-то после, протушив мне расквашенную равочку, и в этот естественной тарелке лежала живая желтая устрица, разрезанная и посоленная. Рыбаки ели каждый со своей реакцией, и же, как ни старались подобрать себе убедительными примерами из классической литературы, где все против считали это блюдо аксиомой, так и не решились попробовать его.

Несколько минут спусти горбуша пошла из рыбака в речку. Это было необычайная картина. По каменистому руслу, по серым обломкам скал, подмытая горной огромной впади и ин, мчалась синяя холодная река. Но сильное течение, ин острые камни не останавливали рыбаков, вынуждая заставляя горбушу преодолевать все препятствия, и она шла все выше. Подойдя к реке, и кажется, что перед тобой движущаяся лента конвейера.

В устье Фирсовой, одной из бесчисленных горных речек Сахалина, расположен рыбообойный колхоз имени Ленина.

Когда мы пришли туда, рыбаки отдалали, расположились на бревнах. Отсюда было видно все село, рыбокомбинат и впади огромная дуга залива Терпения. Я впервые видела столько рыбы: еще живая, она была навалена в прососленные дошки — тузасы, — бархатлась в сетях, трепалась в корзинах.

— Рыбы, это точно, здесь много, — заметил мне восхищение, сказал седоусый рыбак в брезентовом капюшоне. — А вот людей покачул вовсе не было. Но потом приехали рыбаки и с Азовского, и с Черного, и с Каспийского морей. Да что рыбаки, к нам выловлю с этой страны понаехали! Вот azért хотя бы Петра Лавыгина. Сейчас он настоящий рыбак, а ведь раньше он к нам с Украины и рыбные моря в глаза не видел.

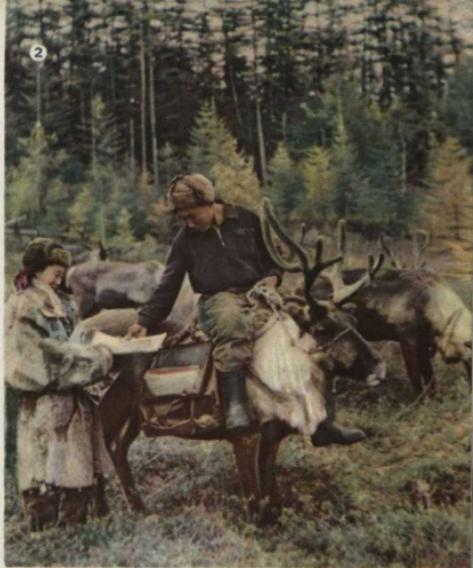
Старый рыбак рассказал об организации одного из первых рыбообойных колхозов на острове. Приехали сюда люди из разных краев. Кружом почти пустое место. А сейчас — Фирсовку не угадать: пятдесят два рублевых дома, один к одному.

...Хозяйство теперь у нас налажено, — продолжал рыбак. — После выполнения квартального

1

2

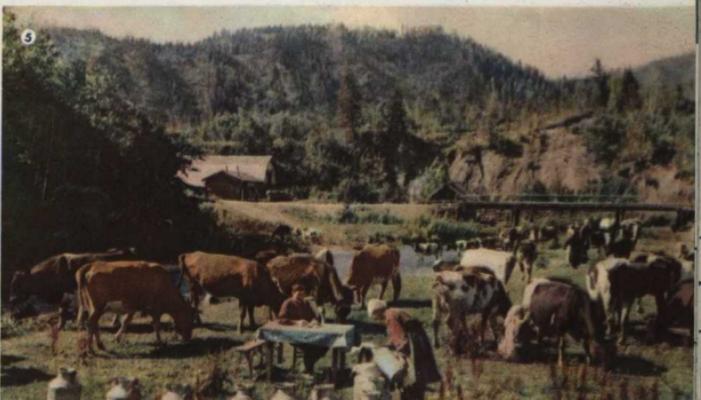
3

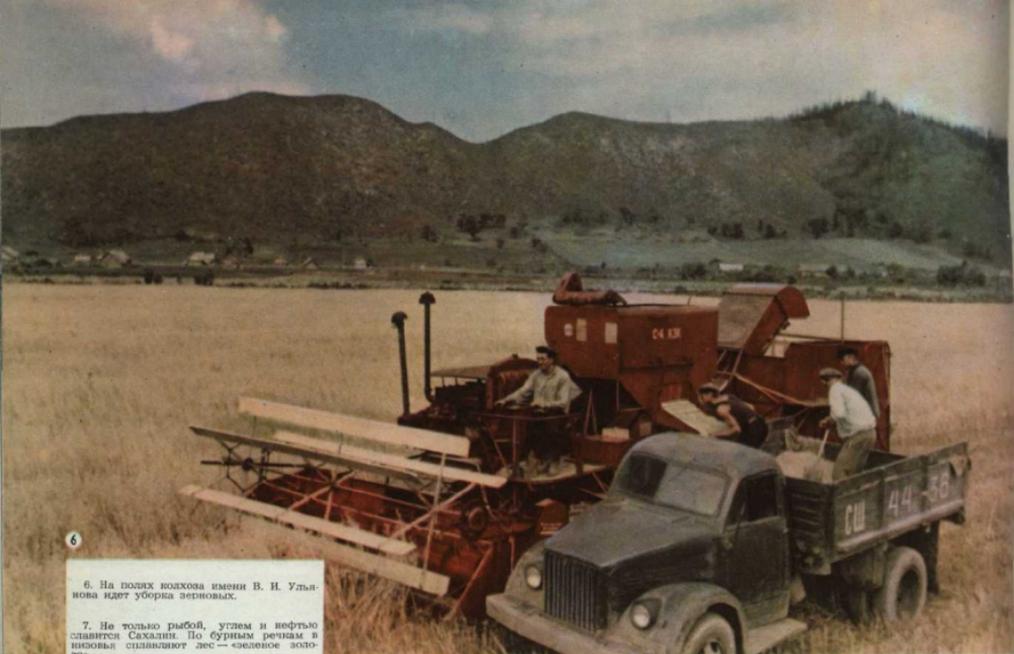
4

5

1. Рыбаки довольны: улов сегодня богатый.
 2. В далекие стойбища Поройского оленеводского почтаьона Камингурса Качко привез свежие газеты и журналы.
 3. Новый облик принимают селения Южного Сахалина. Там, где раньше стояли ветхие фанзы, построены добротные дома, школы, больницы, клубы. И а с и н и м е: поселок колхоза имени В. И. Ульянова, Углегорского района.
 4. Тройна Ли — наводит в участии Восточной сельскохозяйственной выставки. Он один из тех энтузиастов, которые выращивают яблоку в этих краях культуру — помидоры.
 5. Хороши травы на летних пастбищах, обилен подой мслена.

6

6. На полях колхоза имени В. И. Ульянова идет уборка зерновых.

7. На только рыбной, углем и нефтью славится Сахалин. По бурным речкам в низовьях сплавляют лес — «зеленое золото».

8. На Хольмоной опытной станции снимают первый урожай яблок.

7

8

плавая каждый из нас получает по четыре — пять тысяч рублей. Кроме того, у всех присудившие участки, выращивающие картошку, капусту. Мы ожидаем пополнение, построили даже два дома про запас. Да еще три фундамента заложены.

Солнце садилось за сопки. Вода в океане и низкорослые кусты шиповника на гробках дождя, будто подсвеченные изнутри, на несколько мгновений наполнились нежирно-золотым сиянием. И вдруг все стало одинаково бесцветным, точно кто-то невидимый выключил рубильник на пульте управления красками природы. Наступил сумерки.

2

Дорога из Южно-Сахалинска в торговый порт Холмск прозевает нависшее весь остров и спускается к Татарскому проливу. Сопки, по которым выстроены дачи, покрыты лесом. Здесь, как в огромном ботаническом саду, уживаются в тесном соседстве каменная береза, лиственница и голубой кедр, ель и дуб. Вдоль дорог растут дубовик, розовый заросли багульника, шиповника и севянки, смеющиеся целыми плантациями морщины и гонобобля. Вековые деревья расстелили серую кожу буряков и только по названию напоминают своим среднерусским собратьям. Нигде не встретишь таких буйных трав, как на Сахалине. Лопухи ведают обесцвеченный стол, дикая гречка и белоглазый добанчик на древостойных стеблях — все это образует непроходимые джунгли, поднимающиеся выше человеческого роста. В густых зарослях мелькают синие колокольчики, янтарно-желтые ромашки с головками не меньше, чем у подсолнечника, шапки горчички.

Везде клычат этого своеобразного уголья нашей страны хорошо не только для диких растений. Южные фрукты и овощи при определенном уходе вполне вызревают за короткое сахалинское лето. На сельскохозяйственной станции возле Холмска разводят такие баклажаны, красный стручковый перец, помидоры, дыни, арбузы, виноград. На многих приусадебных и пришкольных участках теперь вырастают сады. Только за этот год продали колхозам и совхозам области около 10 тысяч корней плодовых деревьев. Работница станции Вера Селезнева сообщила мне, что даже на Курильских островах, где в году бывает не больше 90 солнечных дней, в совхозе «Дальний» заложил сад на три гектара. Сеянцы для него были присланы из «Дальний» из Холмска. За успехи в садоводстве Вера в этом году была послана на сельскохозяйственную выставку в Москву и награждена серебряной медалью.

Городок Холмск амфитеатром окружает бухта. Еще в процессе выезда его прибрежная часть вся в лесах новостроек.

Я отправилась на Холмский рыбокомбинат, который перерабатывает большую часть рыбы, добываемой на острове.

Слышала ли вы о витамине «А?» — привлекло внимание, но мне девушка в белом халате... Витаминных соков на Сахалине всего два. Мы главные поставщики витамина «А»!

Девушка зовут Аня Новикова. Ее комсомольско-молодежная бригада семь месяцев подряд

удерживает вымпел Холмского городка ВЛКСМ. План первого квартала 1955 года выполнен на 350 процентов. Но комсомолки не считают это своей особенной заслугой. Просто сырья было много. Вода их работа целиком зависит от улова. И тут они вспомнили один «потешный», по их словам, случай.

Однажды весной девушки решили помочь рыбакам; потрудились в кутуге немод, вышли в море, и вдруг разыгрался шторм. Надо было держаться до последнего: чувствительность, что невод полон рыбы. Девушек вырвали ребята из порта, они взяли кутугу на буксир и пошли к берегу. Но когда все думали, что страхи уже миновали, волна с размаху бросила кутугу на волнорез, и рыбаки оказались в воде.

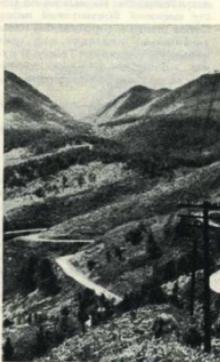
— Представьте: ветер, дождь, волна бьет, а мы на волнорезе сидим, — наперебой рассказывали они. — Волнорез небольшой, метр шириной. Того и гляди в море несет. Мы как посмотрили друг на друга, нас смех разбирает: волосы салпысь, виски сосульками, а сами, как комки куриной... А наши никак к волнорезу подойти не могут: волны не позволяют. Так мы целый час и просидели... Зато план взяли...

3

Запомнилась мне еще одна встреча с сахалинской молодежью. Это было глубоко под землей, в забое одной из Синегорских шахт. Люба Гроб вела меня на четвертый участок, где работала молодежная комплексная бригада Людвиги Неженского.

На ходу Люба рассказывала и о себе, и о товарищах. Она считает себя старожилкой Синегорска, хотя всего лишь год назад после окончания техникума в Ростове приняла сода. Сейчас Люба работает помощником начальницы вентиляционного цеха, одновременно готовясь к поступлению в политехнический институт.

— Работы по горло, суток не хватает, зато жизнь у нас интересная! — говорит Люба, стараясь перекричать грохот мчащихся мимо вагоночек с углем. — Я ведь еще и заместитель секретаря комсомольской организации шахты. У нас двести пятьдесят комсомольцев. Сила маленькая!

Красивый вид открывается с Холмского перевала.

Мы подошли к лаве. Из подгостельной проколки угляй лав вел к углым пластам.

— Девчата, поднимайтесь скорее! — крикнул нам кто-то сверху. — Сейчас отплавлять начнем. — Люба по голосу узнала Неженского. Мы залезли наверх, цепляясь за крепления. Вскоре раздалась команда:

— Отполз!

Динамит, заложенный в скважину, взорвался.

— Вот и поехали! попросил — попушты Людвиг. Бригадою стал рассказывать о шахтере.

Всего в бригаде одиннадцать человек. Это дружный, сплоченный коллектив. Бригада переименовала план не меньше чем в полтора раза и на доске показателя стоит одной из первых.

Мы — вздохнулись.

— Главное сокровище острова — уголь класса «Д». Это не антрацит, конечно, но ничего, уголек хороший!

— Убежденно говорил Людвиг. — Посмотрите, как блещет! Людвиг подарила мне на память кусочек угля, и мы с Любой уже были тронуты в обратный путь, как вдруг снизу послышалась бойкая мелодия песни. Восторженно и сама невеста.

— Это наша Роза, — представили ее ребята.

Роза Кучусовой двадцать два года. Дочь подставного шахтера, она приехала в Синегорск из Кемерово со своим мужем сразу после свадьбы. Но жить вместе им не пришлось, они расстались: помню, человеком оказался ее муж.

— Сначала очень тяжело было, — вздохнула Роза, — а теперь вот ничего. Так знаята, что и думать некогда — все на людях. Бездельность много времени отнимает. А там, смотришь, Люба ей еще кто-нибудь из подруг зайдет — в кино тащат. В комитете комсомольца мне сказали: «Ты только петть не бросай, а уж мы во всем пойдем тебе навстречу. Заочью учиться — поможем!» Я мечтаю поступить в консерваторию...

А пока выступлю перед крестьянами в подшефном колхозе.

Мы вышли на улицу. Погода не располагала к прогулке. За де-

Недавно пришли на шахту Люба Гроб (справа) и Роза Кучусова. Но сейчас их уже не отличить от бывалых шахтеров.

ревья на сопках наречно запылились сизые тучи, и в город, как в вихорку, свела вода.

Мы пошли к Любе обитать; она занимает отдельную комнату в общежитии. У нее было тепло и уютно. Девушки сразу повеселились.

— Оставайтесь, — пригласили они меня.

Но надо было уезжать. И вот уже поезд, набирая скорость, спускался к Южно-Сахалинску по узкой трассе, которую продолжала река Танзан в таежных сопках. Синегорск, ставший таким близким, остался позади.

4

— Смотрите, самолет круг делает! — закричала ребята, и сразу идеальный порядок парашютов до тех пор на стадион, был нарушен.

Самолет сделал круг над полем, оставляя за собой полосу мелькающих точек. Это — листовки, адресованные юным путешественникам Курилы и Сахалина, собравшимся на свой первый слет.

Много интересного увидели ребята за время походов. Не забыли мы трудных горных перевалов, кратеров потухших вулканов, таежных тропинок, непроходимых тайги, странных городов родного острова. Никогда не забыть ребята и пионерского костра, который был зажжен в последний вечер слета. Ночь выдалась туманной, и ребята тесно сгрудились вокруг огня. Начались бесконечные рассказы о тех впечатлениях, которые накопились у каждого за лето.

...Ребята засиделись у костра. Они мечтали о том, как, окончив школу, вступят в большую трудовую жизнь. Многие предостоят сделать им. Преобразуют их родной край, реактивные самолеты создадут растения, и Сахалин окончательно перестанет быть далеким островом. Но он не перестанет быть «серовым сокровищем». Вырастут новые города на Сахалинских пустынных берегах Тихого океана зашумят многолюдными парками, в которых зашумят дикие магнолии с Курильских островов; асфальтированные шоссе протянутся в доселе недоступные места, а Роза Кучусова будет петть на сцене нового театра...

А. РОЖКОВ

НА ОХОТЕ

Рассказ

Удивительный народ охотники: другой еще только на охоту собирается, а настроены, будто по зайцу выиграл! Подобное состояние переживал и Виктор Андреевич, старый учитель, страстный охотник и рыбак.

В мерте Виктор Андреевич полагал горю на охотничью базу открытку: «Уважаемый Дмитрий Осипович! Очень прошу иметь меня в виду. Приеду, как только услышу, что прилетели. Пожалуйста, поберегите для меня Белокрыль-

ку и никому чужому не советуй идти на Филатовское. Длинный парох для тебя достал. Привезу.» Наконца дождливый день наступил! Наскоро пообедав, Виктор Андреевич еще раз окупал рюкзаки. Буханка хлеба, котелок, чучела, топорики, плащ-палатка — все на месте.

— Егор! — подал Виктора Андреевича, оставил-таки Белокрылку. И вот учитель уже шагает поемь. К тяжелому снаряжению прибавилась подсадная утка в корзинке. Идти нужно километром семь — восемь, но охотника беспокоит не это: он боится опоздать к вечерней заре. Сдвинув на затылок ушанку, утроба с лица крупиле капли пота, он все прибавляет и прибавляет шаг, словно хочет уйти от погонки.

— Пожалуй, больше половины пути прошел,— рассуждает он вслух,— скоро Камышное озеро, а там по болоту и до Филатовского не больше километра. Но как мало воды! В прошлом году, помнится, в низинах брел — выше колен было, а нынче еда сапоги замочил. Да и куда быть воде: осень стояла сухая, зима малоснежная. Не случайно кругом палы.

Клубы иссиня-черного дыма поднимаются круто вверх, издали доносятся треск травы, охваченной неярким пламенем. Запал гри цекочет в носу, и охотник с удовольствием чихает. Палы распуляют дичь. То и дело в вышине проносятся стаей уток.

Вот и Камышное. Оно густо заросло тростником, покрыто чадым кокаршиком. В прошлые годы камыш стоял в воде, а нынче лишь кое-где поблескивают зеркала плесов — излюбленные места крикалей. Виктор Андреевич уверенно сходит с дороги на выдвинувшую, узкую тропку. Она петляет между высоких стен ка-

мышья, побуревшего от зимних морозов. Под легким ветерком шуршат кормящиеся метелки с грязносерым пухом. Вечерет. Охотник прыгает с кочки на кочку, балансирует, чтобы не сорваться и не застрять за широкие голенища холодной воды. Когда взбрызнет ног кочки, он осторожно ошупывает дно.

— Дяденка, а дяденка,— послышался вдруг робкий голос. Виктор Андреевич остановился, оглянулся и никого не увидел.

— Кто здесь?

— Это я, Гошка...

Недалека между камышами показывается старая солдатская шапка. Незнакомец поднимается на кочку, и Виктор Андреевич видит перед собой невысокого паренька лет пятнадцать. На нем не по росту широкий брезентовый плащ. Серая шапка и серо-желтый плащ удивительно подходят под цвет камыша и маскируют Гошку. В руках молодого охотника старая, претрская одностволка-переломка.

— Здравствуйте,— говорит он Виктору Андреевичу.

— Здравствуйте, охотничий! Ну, как дела? Что здесь делаешь?

— Охотничью.

— В болоте!

— Тут в камышах плески малый, ходить по нему можно. Я уж крикшака и сокуса шибби! — Гошка гордо поднимает двух красцачев-селозей. Виктору Андреевичу попутна эта охотничья гордость. — Идите сюда, отдохните,— приглашает Гошка,— тут мелко, а лед под водой еще хорошо держит. — И хотя Виктор Андреевич спешит, он все же рад остановке и направляется к Гошке.

Гошка устроил скрадок на большой кочке, перед ним плес, два чучела и подсадная утка. Охотник сидит на кочке, опустив ноги в воду. Виктор Андреевич

закрывает и угощает Гошку. Тот нерешительно берет папироску и тоном взрослого говорит:

— Наш домашний самосад луч-ше, крепче, а этот аш белос-мор — пы-дык и нет ничего. Закурите моего.— Гошка достает из кармана старый темный мешочек с табаком-самурбоком.

— Вы на Филатовское?

— Туда.

— Хороши места, только как же без лодки!

— Там есть, с базы.

— Есть,— подтверждает Гошка.— Я уж был, видел обласк! такой маленкий. Но ведь без спросу нельзя.

— У меня разрешение.

— Ну, значит, пострадаете. Разрешение — это хорошо,— степенно рассуждает Гошка.— А ночевать где будете!

— Придется в лодке.

— Холодно. Огонь негде развести. Ночью-то еще шибко студеные. Лучше приходите на бутор, на перевалку. Там соломи много. Разве не прилетит, не когда шил!

— Нет, не прилетит.

— Отсидите зорю — и сюда, я подожду. Вдвоем все вместе. Вместе и заночуем.

— Вместе, так вместе. Жди, приду,— говорит Виктор Андреевич и поднимается с кочки.

— Дяденка, а у вас какой калибр ружья, не шивашский?

— Шестнадцатый, а что!

— Дяденка, вы мне дайте пять патронов, а я вам взамен крикшака.

— У тебя, что ж, патронов мало-ваго?

— Два осталось,— говорит Гошка.— Было пять, раз промазал. Вы берите крикшака, он шил, какой таварий, а себе еще подожду.

Виктор Андреевич молчит. Вспоминается ему свое детство, когда вот так же ходил на охоту с думля — тремя патронами.

— Ты слезней не берешь! И огорченно отворачивается к плесу. Емь и слезная жаль и хочется достать хотя бы подсадка патронов.

У Виктора Андреевича патроны около сотни. Он быстро открывает отделение патроншака и вытаскивает восемь штук.

— Бери...

Гошка берет только четыре патрона.

— Обонх слезней не отдам, а то как не убою, стыдно в деревню идти без ничего: ребята дразнить будут.

— Ты чудно, чудило! — сердито говорит Виктор Андреевич.— Положи слезней, бери патроны! Ты за кого же меня принимаешь? А если бы у меня кончили патроны, не дал бы?

— Дал,— отвечает Гошка.

— Вот и бери да стреляй метче. В лод беи!

— Болок промажу.

— Усиц! А я пошел. Ночевать приду. Жди.— И Виктор Андреевич скрывается в камышах.

На краю Филатовского озера, у темной камыши, приспособо куст мелкого тальника, охотник сделал шалаш-скрадок. Стоял он в неглубоком, порыли дно лодки камышом, на длинном штурке выпустил подсадную, выбросил на воду чучела. Утка ополупалась, приподнялась над водой, торжолно захлопала крыльями, громко

¹ Сибирское название дубляшовой из деревни небольшой лодки.

и призывно звиркала. Виктор Андреевич затеялся. Забыты город, школа, озорные ребята. Скозь щели скрада пробиваются лучи заходящего солнца, желтые комочки цветущего тальника касаются щекам, но охотники видят только утку, слышат только ее призывный крик. Нет, не подает старая Белокрылка Вот где-то вдаль шагнула в ответ селезенка. Утка приподняла и неслышно звать насочивко, без перерыва. Из-за камышей выделяет крикяно, но к утке не идет, а делает широкий круг, внимательно и подозрительно оглядываясь.

— «Старик, стреляный»,— думает Виктор Андреевич и замирает, сжимая ружье. Большой палец толкнул предохранитель. Не поворачивая головы, он следит за полетом. Два круга утки, а утка зовет и зовет. Осторожный селезень наконец опускается поодаль, и не успев он коснуться воды, как из серады метнулось пламя.

Радостно поджидает охотник первую добычу, любитесь весенним брачным нарядом крикяно. Нет всякой птица красивее селезенки. Как-то Виктор Андреевич неслышно соскочил с выстрелом из тонких расцветки. А подсадная зовет вновь. Ее отвечает подсадная Гошка, и оттуда доносится выстрел. Второй крикяно выплыв из камышей. Бить пришлось в упор, и как всегда бывает в таких случаях, с первого раза промазал. Догад из левого ствола.

Погосла вечерняя зоря. Сибирская звезда догора. Поара и на короткий отдых.

Гошка ждал и припалком быстро вывел к полювому столу. Осенью здел был толк. В темноте выдвинулись брызги стрелы, белая вылетела скрада соловья. В сарае молотилка, триер и еще какады машины. Подала лежали жерди, бревна, куча дров. За скрадой чернел голый головной куст, густо оплетенный похощающей травой.

— Вот тут и заночуем. Люблю ночевать в полене Селезенной надо бы на ветерке подвасить: оно хото и холодно, но пухт их обулавает,— степенно говорит Гошка.— Тяжело вам, поди, а солгаю: как какие бахили! То ли дело мои обуточки Легко, солоники большие положил— сухо и мягко... Давайте и ваших положит.

Гошка взял паря селезенку у Виктора Андреевича, подержал на весу вместе со своими черными и, довольный, подвесил добычу на стрелу.

— Я ведь могу охотиться и без подсадной, сам подманю. Летит селезенка, а я ем как дам, дам на подсаду— обязательно вернется.

Гошка несколько раз крикнул. Ему ответила Белокрылка, в камышах отозвался крикяно.

— Видели! Могу сюда приманить, он случайно засмеялся.

— Завтра обязательно подманю, мне бы патроны, а бы уток по двадцать брал, я тут все места знаю. Вы разводитте огню, а я обведу, а околок за водой: в болоте иньяк.

Гошка схватил котелок и исчез в темноте. Вскоре послышалось крикяно утки. Виктор Андреевич новельно настроился, но тут же догадался, что это прилетели Гошки, и улыбнулся. Он подошел к кусту. На корневых ветках шапками торчали ключья соломы. Надолго сумел, охотник расложил костер, вырубил огонь, чтобы подосветить котелок, отрезал себе и Гошке по большому куску сала.

Чай пили по очереди: у Гошки не было посуды.

Через час, разрыв верхушку скрады, охотники улеглись спать. Гошка рассказал немудрую историю своей жизни. Отец погиб на фронте, но Гошка выжил, сам классос и пошел работать в совхоз, второй год ухаживает за молотилком. Осенью хочет поступить на заочное отделение зооветзаиниума.

Сюда его послал заводской посмотреть, нельзя ли выгнать на выпасы молодняк, можно ли пройти со стадом между болотами. Знак об утиних местах, Гошка прихватил ружье и подсадную.

— Прогнать молодняк, конечно, можно,— заключил Гошка,— вот только палец напортился, выгорело ужал! У утки гниздо погнубит. А эти палец к нам идут, толкнул. А там на пути канава, воду спускали с болот, не перейти огню.

— Будем спать, Гошка.

Виктор Андреевич тщательно гасит окурки и закрывается плащпалаткой.

— Вы меня разбудите, дяденька,— просит Гошка.

— Хорошо, спи, орал!

Вскоре Гошка начинает похрапывать, а взволнованному охотнику Виктору Андреевичу что-то не спится. Луна уже почти над головой. Учитель пытается уловить момент, когда начнет засыпать. Это его давняя привычка. Но назавтор он тактично припоминает, какая мысль была последней, и не может вспомнить. Так случилось и на этот раз. Каруаил, каруаил! последнюю мысль и уснул, не поймав и не запомнив ее.

Охотничий сон чутков. Вот послышалось легкое потрескивание, и Виктор Андреевич открыл глаза. Луна скатилась к западу, тннул предвостаный ветерок, а из-за окошка на сарай и скраду надвигалась широкая туча палав.

Огонь шел по высокой отаве кошенны. Шел медленно, к счастью, пока против ветра. Невысокие языки пламени в бедном сумраке кончались и ночи были странно красным и казалась, не тали никакой опасности. Но старый охотник знал, чем грозят эти безобидные язычки, если они доберутся до соломы.

Гошка! Гошка! Пальцы подошли! Вставай!

Гошка сел и торопливо протер глаза.

— Ну, ази ик...— выругался он.— Чь же теперь дала будит? Тушить надо, дяденька, спорит ведь перевалка.

— Бег скорей, руби молоднякние березки!— Виктор Андреевич последню достал из рюкзака топорник и сунул его Гошке. Тот соскокнул со скрады и побежал в околку. За ним торопливо шел Виктор Андреевич. Гошка уже срубил пару березок.

— А азать чь будит!

Виктор Андреевич с тревогой подглядывает на палец. До их километра два, однако ночью они какутся гораздо ближне. И, словно угадав его мысли, Гошка меняет тему разговора:

— Сколько леса-мелкача погорит, прямо ужал! У утки гниздо погнубит. А эти палец к нам идут, толкнул. А там на пути канава, воду спускали с болот, не перейти огню.

— Будем спать, Гошка.

Виктор Андреевич тщательно гасит окурки и закрывается плащпалаткой.

— Вы меня разбудите, дяденька,— просит Гошка.

— Хорошо, спи, орал!

Вскоре Гошка начинает похрапывать, а взволнованному охотнику Виктору Андреевичу что-то не спится. Луна уже почти над головой. Учитель пытается уловить момент, когда начнет засыпать. Это его давняя привычка. Но назавтор он тактично припоминает, какая мысль была последней, и не может вспомнить. Так случилось и на этот раз. Каруаил, каруаил! последнюю мысль и уснул, не поймав и не запомнив ее.

Охотничий сон чутков. Вот послышалось легкое потрескивание, и Виктор Андреевич открыл глаза. Луна скатилась к западу, тннул предвостаный ветерок, а из-за окошка на сарай и скраду надвигалась широкая туча палав.

Огонь шел по высокой отаве кошенны. Шел медленно, к счастью, пока против ветра. Невысокие языки пламени в бедном сумраке кончались и ночи были странно красным и казалась, не тали никакой опасности. Но старый охотник знал, чем грозят эти безобидные язычки, если они доберутся до соломы.

Гошка! Гошка! Пальцы подошли! Вставай!

Гошка сел и торопливо протер глаза.

— Ну, ази ик...— выругался он.— Чь же теперь дала будит? Тушить надо, дяденька, спорит ведь перевалка.

— Бег скорей, руби молоднякние березки!— Виктор Андреевич последню достал из рюкзака топорник и сунул его Гошке. Тот соскокнул со скрады и побежал в околку. За ним торопливо шел Виктор Андреевич. Гошка уже срубил пару березок.

— А азать чь будит!

— Сейчас я обчун размотаю.—

Гошка быстро снял ремешки, котормыми были подвасены голенища.— Иага, вазите скорей!

Виктор Андреевич, не мешкая, связал две метлы.

— А теперь, Гоша, в атаку! Забивай его, забивай! Не давай поднимать голову!— обдоронце крикнул он и ударил метлой по племени.

Гошка стараясь изо всех сил, яростно хлестал по языкам пламени. После двух—трех ударов пламя гасло, для верности охотники сместили угли на паленое. На кошенние гасить было легко: втлах, удар, еще удар— и шаг вперед. Охотники медленно расходились в противоположные стороны. За их спиной оставалась черная полоса.

Минут через сорок Виктор Андреевич оставались. Большой поглюрок кое-где дымящийся черты ушел концами за середину перевала.

— Кажется, отстояли,— проговорил он и забавляясь работой Гошки. Тот шаг, не останавливаясь и не оглядываясь, был по огню резко, сноровисто сметал угли.— Гоша!— крикнул он по дорожку.— Иди, отдохнени.

Гошка встолуп на плечо обожженную метлу и подошел, утирая лицо рукавом плаща:

— Придате нарочно кругом опалить. А что стоило на тракторе осенью опалить! Обжехали бы два раза кругом— и все.

— Правильно!— согласился Виктор Андреевич.

Светало. Пору было идти в скраду, но как бросить недобитый огонь! И охоту упустил жаль! Слово дразна, доносилось призывное крикяно уток.

— Эх, дяденька, пропала наша зоряка.— проговорил Гошка.— Задержит нас описка. Дайте скорей, может, еще успею... Ой, смотрите!— крикнул он.

Один из языков пламени добрался до густого головного куста возле скрады. Послышался треск, сейчас же взвился столб пламени. Горшиче метели, рассыпая искры, поветали на скраду.

— Упустили!— с отчаянием крикнул Гошка.— Дяденька! Бежим!

Они опрметую бросились к скраде, забили и затоптали тлеющие, еще не всплывшие искры и инутили к кусту. С остервенением стегали взволнованными прутьями горящую траву, сбивая

ДОРОЖИТЬ ТРУДОВОЙ ЧЕСТНОСТИ

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

НАСТОЯЩИЕ ДРУЖБА НЕ ПЕРИТ ЛЮДИ

А как расценивается поведение Нады и ее дружка в Косте? Читатели относятся к Наде с сочувствием, ценят ее честность и искренность и особенно то, что она решила вывести Косто на чистую воду.

И. Хабрулина из города Наб-Челны, Татарской АССР, пишет: «Косте чудно чувство настоящей дружбы. Вспомни, какой ценой он пытался «выручить» Надю в момент, когда у нее случился аварию,—ценой общины товарищей по работе. Надя правильно сделала, отказавшись от такой «выручки». Как истинный друг Костя поступил она и тогда, когда от его поступка сообщила директору комбината. Именно тогда должна быть комсомолка!»

Критически относится к поведению товарища, во-время удерживать его от дурных поступков, не стесняйся сказать ему горькую правду в глаза—такое единодушное мнение многих читателей и друзей. Приславив в редакцию отклик на «Костину славу». В этом отношении особенно интересно письмо члена бюро Политзасткома ЛКСМУ И. Николаенко:

«Возможно, найдутся товарищи, которые скажут, что Наде следовало бы сначала самой поговорить с Костей, попытаться убедить его, а уже потом выносить дело на суд коллектива. Нам кажется, что вряд ли ее могут удержать в этом. Проявляя неприязнимость к поступку Костя, она сама доказала, что по-настоящему любит его, желает ему добра.»

СЛАВА ЗАВОЕВАЕТСЯ ЧЕСТНЫМ ТРУДОМ

Много хороших мыслей высказывают читатели о трудовой славе и комсомольской честности.

«Трудовая слава—невозможно это пропустить словом!»—воскликает в своем письме студентка Винницкого педагогического института В. Акубаева.—Для того, чтобы заработать славу, надо работать подлинным напряжением сил, работать с любовью, с огнем, сознанием, что твой труд приносит счастье народу. А чужая слава—не слава, а позор.»

О том, к чему приводит стремление к дешевой, «дурной» славе, говорит и молодой колхозник Виктор Павленко из Троицкого района, Житомирской области.

«В нашем колхозе «Большевик»—пишет он,—работала дворочка Ольга Глыбок. Подобно Косте Стелову, она тоже хотела прославиться обманным путем. Костя вынул sack сумрагу, а Ольга подливала в молоко воду. Это снижало процент жирности. Но задумав получить такую колхозную молочку, что об этих «королевских удах» неоднократно писала наша районная газета. Так Ольга Глыбок «завоевала» славу передовой дворочки. Но правда сильнее лжи,

ли воспламенились шапки солома на ветках, били и топтали ногами злого, неумолимого зверя. Сучья ветвей задевали за метлы, мешали. Гошка бросил метлу, сдернул с плеч плащ и начал гасить им пламя. Виктор Андреевич следил за искрами, падающими в солому: ведь бой с огнем шел рядом со скирдой. Загорись она, через несколько минут загорелись сараи, вышвырнув а через час на его месте останутся лишь чадащие голышища да куча обгорелого, искорененного жаром железа. Гошка куда-то забросил шапку, и Виктор Андреевич крикнул ему:

— Голову береги! Лохмы-то у тебя год не стрижены—вспыхнут хлеще соломы.

— Ничь, вытерпел,—ответил Гошка и снова пошел к кусту. Оранжевый зверь не желал умирать, цеплялся за кору пенюков, сучья сучья, топтал солому. Ветер повернул, потонул на перевалку. Виктор Андреевич оглушился, и сердце его невольно замерло: по дорожке, где возили солому, огородавлялись кусты с сорда с другой стороны. Расстрелана, измоленная метла опасна: она может отбросить горячий клочок на солому. Виктор Андреевич снял шапку, бросил ее на огонь, начал топтать сапогами. Багряные языки гасли один за другим.

Через полчаса черный круг зардел, пламя ушло в даль, оставив островок, на котором два человека добивали последние остатки огня. Лица охотников измазаны сажей, воспаленные глаза сияют, одождо прожжена, на руках ошмги.

Гошка откидывая шапку, встряхивает ее и бросает к сорде. Взросло солнце осветило бескрайний черныя степь. Усталые охотники садятся на дрова, долго и молча курят.

— Разводи, Гоша, костер, будешь кипятить.

— Не поймаешь вас, дяденька: то туши, то опашь разжигай!— смеется Гошка и тут же огорченно добавляет:—Вот тебе и угоревшая зорька... Идти, придется показать вам мое секретное место: там всегда можно пострелять, даже днем. А плащ-то мой прогорел! Гошка рассматривает обгоревшую грязную куртку.

— Не охотиться и мне в этом ватнике,—поддерживает разговор Виктор Андреевич и показывает Гошке оторванный рукав, торчащий из ватника.— Ты, я пред, не горюй: плащ тебе выдудят новый, еще и премно дадут: смотри, сколько сожженного добра спасли! Я напишу директору, какому черем ты был, как стелся.

— Так стан же не наш, не совхозный.

А чей же!—неудовольно спрашивает Виктор Андреевич.

— Не знаю, наверно, колхозный. Совхозная грань там, не доходя до Камышного. Давайте ей пить, мне дойдет пора. И вы, дяденька, вы у меня встали крикшая возмните, что порвону, по три.

— Спасибо, Гоша. Секретное место покажи, а крахша неси Аночка.

Напившись чаю, охотники еще раз тщательно осматривают куртку: не затаялись ли где немые искры, и уходят. И никто не узнает, почему пальцы пощелили колхозное добро.

г. Новосибирск.

О ЧЕМ ЗАБЫЛ КОСТЯ

«Когда читаешь очерк «Костина слава»,—пишет В. Жуккев из Кабардинки, Индустриальной зоны в голову приходит мысль о том, что среди нас есть еще люди, думающие по старинке. Костя забыл, что для каждого честного гражданина нашей страны на первом месте должна быть забота о государстве, о благе народа. «Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрику, орудия, продукты, транспорт—все это отныне будет всецело вашим, общественным достоянием». Так говорил В. И. Ленин, обращаясь к народу после победоносного завершения Великой Октябрьской социалистической революции. А комсомолец Стелов, ослепленный мечтой о своем мешанском благополучии, меньше всего думает о государстве, о народе. Ему бы только побольше денег урвать от государства, чтобы накопить сумму, необходимую для покупки дома, для устройства своего личного, обязательного счастья.»

С таким же возмущением говорит о поступке Константина Стелова и авторы других писем.

«Кто такой Костя?—спрашивает Н. Тарасов (ст. Ува, Удмуртская АССР). И тут же отвечает: «Костя—соболезнующий карьерист с корыстолюбивой натурой, ставящий личное благополучие превыше всего.»

Сурово осуждает Костю курсант Леонид Шербаков (г. Киев).

«Его можно считать осудив, если бы такой Костя служил в орудийном расчете, в некотором отделе, в танковом экипаже или в боевой эскадроне?.. Сколько людей мог бы он погубить своей нечестностью!»

ее не скроешь. Олгу постала такая же участь, как и Константина Стелова. Ее поступок глубоко возмутил колхозную молодежь.»

КОСТЕ НАДО ПОМОЧЬ

Однако читатели не остаются безучастными и к судьбе Кости. Да, он поступил комсомольской честию! Да, он пошел на сделку со своей совестью! Все совершено, но, несомненно советского юноша. Но совсем ли уж пропавший человек Костя?

«Константин Стелову должен помочь коллектив, особенно комсомольцы»,—пишет из Кокчетавской области деланин Владимир Костыч.—Товарищу, который попал в беду, необходимо протянуть руку помощи. Это поступок, совершенный не человеком, а товарищем. Но совсем ли уж пропавший человек Костя? Константин Стелову нужно честным трудом искупить свою вину, завоевать утраченное им доверие товарищей. Я очень хочу видеть его рядом с нами, в числе тех же честных друзей и друзей.»

Такое же пожелание выражает Альберт Хилан—работник целлюлозно-бумажной комбината города Соной, Вологодской области: «Хочется, чтобы Костя пошел Надю, понял, что она не могла поступить иначе. Хочется, чтобы ли счастливее, благополучнее. Безусловно, что товарищи Костя не отвернутся от него, а помогут ему встать на верный путь.»

Чтобы не повторился случай, подобный случившемуся в очерке «Костина слава», некоторые авторы откликов предлагают ряд мер воспитательного характера. Одни указывают на необходимость усиления внутрисовхозной комсомольской работы, другие советуют теснее общаться с людьми, глубже вникать в их жизнь.

«Велико воспитательное значение такого примера для товарищей»,—пишет из Карабалыкского района, Кустайской области, тракторист Александр Омельченко.—Влияние на молодежь кадровых работников и стариков старшего поколения позитиве огромно. Расскажу о себе лично. Однажды я по глупости обманул мастера. Уличил меня во лжи Алексей Дмитриевич Макаров (так звали мастера) задал мне такую встрепку, что я готов был сквозь землю провалиться. После этого я уже больше никогда не обманывал. С благодарностью вспоминаю я Алексея Дмитриевича, который, быть может, оказал решающее влияние на всю мою жизнь.»

***

Серьезный, нужный разговор начал читатель «Смена». Надеемся, что этот разговор будет продолжен на страницах журнала.

КОГДА УСТАНОВЛЕНЬ СЕКUNДОМЕРЫ...

Зима кончалась. Поставлены в распорки лыжи, спрятаны коньки, а на стадионах, где еще недавно бегал лед, зазеленела трава.

Пришла весна! В преддверии нового спортивного сезона хочется отглотнуть назад, вспомнить самые яркие события, которыми так богата была минувшая зима, и Пожалуй, советские спортсмены никогда еще с таким нетерпением не ждали наступления холодов, как прошлой осенью. Объяснялось это тем, что наши мастера впервые готовились принять участие в VII зимних Олимпийских играх, и тем, что после неудач на соревнованиях 1955 года они стремились доказать, что их победы на чемпионатах мира в 1953—1954 годах не были случайностью.

Трудное испытание на зарубежных катках и стадионах предстояло перенести только нашим скороходам и хоккеистам, и лыжникам. Если в лыжных гонках советские спортсмены добивались высоких званий чемпионов мира, то для прыжков с трамплина, двоеборья и горнолыжного Олимпийские игры были первой пробой сил.

Буржуазные газеты, делая прогноз перед Олимпийскими играми, первое место в хоккейном турнире прочли канадцам, провозгласив чемпионом мира; на лыже — финнам, шведом, норвежцам; на ледяной дорожке — шведом, норвежцем. Только на коротких дистанциях, по мнению observers, на лед, наших скороходов можно было рассчитывать на успех.

После первых же выступлений советских конькобежцев в против им были внесены существенные поправки. На международных соревнованиях в Давосе (Швейцария), которые явились как бы генеральной репетицией перед Олимпийскими играми, молодой советский конькобежец Юрий Михайлов в беге на 1500 метров установил мировой рекорд — 2 минуты 9,1 секунды. Он получил первый за эту зиму приз — золотой с бриллиантами «зельдьер», учрежденный спортивным клубом «Давос для награждения скорохода, который установит рекорд мира на катке Давоса. Одиночно выступили советские спортсмены и на длинных дистанциях.

Но все же это было только репетиция. Как выступят советские мастера на официальных соревнованиях в Кортине д'Ампеццо?

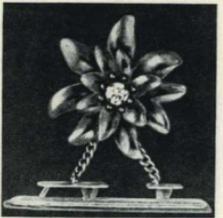
И вот на льду озера Мазурина начался розыгрыш олимпийского первенства. Читатели, конечно, помнят, каких блестящих результатов добились наши скороходы. Они побили мировые рекорды в беге на 500 и 1500 метров, установленные еще в Алма-Ате. И это было особенно ценным. Ведь многие иностранные спортивные специалисты ставили под сомнение достоверность мировых рекордов, установленных на высокогорном катке близ Алма-Аты. Теперь, когда мировые рекорды были установлены и на зарубежном катке, кто мог сомневаться в мастерстве советских конькобежцев!

Много раз звывало в итальянском небо наше знамя и звучал гимн Советского Союза, вознеся

о победах советских конькобежцев Олимпиада показала также, насколько возросло мастерство наших лыжников.

Правда, наши спортсмены не завоевали звание чемпионов мира на отдельных дистанциях. Но нужно было видеть, как они один за другим приходили к финишу с прекрасным временем, мало уступающим времени олимпийских чемпионов. Лыжники в красных свитерах достигли такой плотности результатов, что их превосходить над остальными не вышло ни у кого соперник. И когда был дан старт мужской эстафете 4×10 километров, советские спортсмены сразу же вышли вперед и лидировали до самого конца соревнований. Золотые медали были присуждены нашим лыжникам.

Цена для нас и бронзовая медаль, завоеванная Евгением Сидоровым в слаломе. Наши слаломисты никогда раньше не участвовали в международных соревнованиях, и бронзовая олимпийская медаль для начала совсем не плохо.

Золотой «зельдьер».

Особый интерес вызвал турнир хоккеистов. Еще бы Победа принесла сразу 17 олимпийских золотых медалей. Их выиграли советские хоккеисты. А все советские мастера привезли из Италии 26 золотых, 5 серебряных и 6 бронзовых медалей. Кроме того, наши спортсмены получили 45 медаль чемпионов мира и Европы, которые также разыгрывались на олимпиаде среди лыжников и хоккеистов.

Американская газета «Кричер сайенс монитор» писала о советских спортсменах: «Команда СССР, приезжавшая в Кортину д'Ампеццо была, возможно, лучшей по подготовке командой в истории Олимпийских игр — самой закаленной группой молодых мужчин и женщин в истории спорта». В эти же дни в Европе победы одержали и наши женщины на ледяной дорожке маленького шведского города Кварнедене. Софья Кондакова завоевала звание чемпионки мира по скоростному бегу на коньках. Советские спортсменки получили 5 золотых, 5 серебряных, 5 бронзовых медалей, то есть все медали, которые разыгрывались на чемпионате в Швеции. Им были вручены и другие призы.

Но скептики не унимались. Они надеялись, что советские конькобежцы проявятся на чемпионате в Осло, где победитель будет определяться не по одной дистан-

Только что Л. Козырева стала чемпионкой мира и олимпиады.

ции, как на Олимпийских играх, а по многоборью.

Однако наши спортсмены и здесь доказали, что их достижения имеют под собой прочную основу. Они завоевали 10 медалей из 15. Олег Гончаренко вернул звание сильнейшего конькобежца мира. Второе и третье призовые места заняли также советские скороходы. Прошлогодний чемпион мира Сигвард Эрикссон, на которого буржуазная печать возлагала большие надежды, оказался только... на шестом месте.

Вскоре после этой победы советских конькобежцев появилась статья в журнале Финляндии Амундсена, который раньше особенно высоко выступал против советских конькобежцев, ставил под сомнение их рекорды в Алма-Ате. «Чемпионат мира нынешнего года», — писал он, — явился огромным триумфом хорошо подготовленного группы советских скороходов, показавших высокий спортивный класс. Трое советских конькобежцев получили лучшую сумму очков, когда-либо достигнутую на чемпионатах мира по конькам. Более ясно, пожалуй, нельзя было подчеркнуть свою гегемонию. Нет сомнения, что самый великий чемпионат мира выиграл лучший среди равных русских спортсмен — Олег Гончаренко.

Следующим соревнованием, которое подвело итог зимнему сезону, было соревнование на первенство Европы, состоявшее в столице Финляндии Хельсинки. Зарубежные скороходы готовились к нему особенно тщательно, надеясь взять реванш за поражение в Кортине д'Ампеццо и Осло. Но это им не удалось!

Советские мастера вынесли новую блестящую страну в историю конькобежного спорта. До сих

пор чемпионами Европы обычно становились конькобежцы, умевшие отлично проходить длинные дистанции — 5000 и 10 000 метров. Именно стайерские дистанции рождали успех в многоборье. В Хельсинки же произошло необычное: чемпионом Европы стал мировой рекордсмен в беге на 500 и 1500 метров советский скороход Евгений Гришин.

Кроме большой золотой медали сильнейшего в Европе конькобежца, которую получил Гришин, наши мастера завоевали еще 7 медалей.

Победы в международных соревнованиях одерживали не только наши признанные мастера. Советские студенты, участвуя в XI Всемирных зимних студенческих играх в Польше, также добились отличных результатов. Многие из них завоевали золотые медали чемпионов мира среди студентов.

Один из финских болельщиков шутил, сказав, что советские спортсмены истощили «золотая запасная» международных федераций по зимним видам спорта.

Да, минувшая зима была «сурьжайной»: 161 медаль, не считая призов, кубков, привезли на Родину советские мастера!

Среди наших спортсменов, которые с честью пронесли знамя советского спорта за рубежом, было немало молодежи, недавно пришедшей в сборные команды. Они внесли свой вклад в общую победу. Молодой конькобежец Рафаэль Грач стал призером Олимпийских игр, лыжник Николай Анисин вместе с товарищами завоевал две золотые медали чемпиона мира и Олимпийских игр. Хоккеист Виктор Никифоров, лыжник Михаил Галиев, конькобежка Нина Ясношкина, прыгун Коба Цакадзе. Мно-

Команда хоккеистов СССР на катке «Ледяной дворца» после победы над канадцами.

го можно назвать новых имен. Все они пришли из заводских, институтских, колхозных спортивных организаций.

В широком развитии массового спорта и физкультуры — залог наших будущих успехов.

Минувшей зимой была проведена III зимняя Всесоюзная спартакиада профсоюзов, из миллиона участников которой выдвинулись одаренные лыжники, хоккеисты, конькобежцы, прыгуны, слаломисты. Сотни тысяч юных физкультурников осматривали приз газеты «Панорская правда», тысячи юношей и девушек участвовали в зимних молодежных играх, больше миллиона молодых рабочих боролся за переноску общества «Буревестник», «Торпедо», «Шахтер». Эти соревнования выявили способную молодежь, не уступающую по мастерству опытным спортсменам. Так, например, учитель из Вологды Владимир Холцагин стал чемпионом общества «Буревестник», победы только что вернувшись из Италии олимпийским чемпионом

Площадь перед собором св. Марка и Дворцом дожей — двумя замечательнейшими памятниками Венеции.

ПО ИТАЛИИ

Текст и фото
Сергей Михалков.

В январе — феврале этого года группа советских туристов побывала в Италии, где в качестве зрителей и болельщиков приняла участие в зимних Олимпийских играх «Белая Олимпиада» проходила на стадионах и в окрестностях живописного местечка Кортина д'Ампеццо, расположенного в Доломитовых Альпах. Четыреста корреспондентов — представителей прессы всех стран — на десятках языков передавали в эфир и по телеграфу читателям своих газет сообщения о ходе соревнований. Советским спортсменам в острой спортивной борьбе пришлось соревноваться с сильнейшими лыжниками и конькобежцами мира. Наибольший успех имели спортивные встречи конькобежцев команды СССР с командами Чехословакии, США и Канады. По словам итали-

ловка без фотоаппарата. Репортеры и журналисты, любители спорта и туристы на улицах и стадионах фотографировали все, что им казалось интересным и достойным запечатления на пленку. Автор этих строк, впервые взявший в руки фотоаппарат «Зоркий-Э», на ходу осваивая профессию любителя-фотографа, в меру своих сил и возможностей тоже пытался снимать увлекательные сценки и отдельные моменты спортивных состязаний. Не отчаявшись и проявляя спортивное упорство, он продолжал фотографировать и по окончании Олимпийских игр.

Предоставив страничку своего журнала для опубликования данных фотографий, редакция «Смеяны» выразила некоторое сожаление по поводу того, что из большого количества привезенного фотоматериала можно было отобрать лишь несколько снимков, которые к тому же недостаточно полно характеризуют поездку советских туристов по Италии. На это автор публикуемых фотографий имеет сообщить читателям, что лучшие снимки, которые он сделал на стадионах «Белой Олим-

Продавец спортивных программ. Он одет в яркую спортивную куртку и такой же цветной карту.

Ей на холодно: она из фаворит! Эта реклама установлена возле магазина фотопринадлежностей в Доббико — небольшом местечке в 32 километрах от Кортена д'Ампеццо.

Там же приходилось советским спортсменам и после соревнований. Стоило только появиться на улице участнику команды СССР, как его тутчас же обступали желавшие получить автограф. А как отжечь?

Одна из улиц в Кортине д'Ампеццо.

анского писателя Джинни Родари, за вечер решающей игры команд Советского Союза и Канады Италия не узнала: люди сидели у радиоприемников и телевизоров, следя за ходом матча.

В эти дни в Кортине д'Ампеццо редко можно было встретить че-

ловка и во время дальнейшей путешествия, оказались нереальными, так как из-за недостаточного умелого пользования фотоаппаратом и малого опыта они были сняты закрытым объективом, почему и оказались незафиксированными на пленку.

Чемпионка мира С. Конданова.

Николая Анкива и Владимира Кузина. И это не единственный случай. Проиграл Кузину молодому лыжнику — сталевару Ревдинскому из гальтургского завода Василью Баранову. А каким упорством отличались заезды на чемпионатах СССР по конькам и лыжам в Ленинграде, Свердловске и Горьком, где молодежь оказала упорное сопротивление прославленному мастеру! Никому не известная первокурсница Инга Артамонова стала чемпионкой СССР по конькам среди женщин.

Но борьба велась не только в зимних видах спорта. Сотни команд баскетболистов и волейболистов оставили социальные соревнования и право участвовать в Спартакиаде народов СССР. Идет борьба среди борцов, боксеров, штангистов, стрелков, велосипедистов...

Лучше из миллионов советских физкультурников в августе этого года соберутся в Москву, чтобы участвовать в самых крупных соревнованиях за всю историю мирового спорта — Спартакиаде народов СССР. Среди них, несомненно, будет много способной молодежи, в упорной борьбе завоевавшей это почетное право.

СПОРТИВНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ.

По окончании Олимпийских игр в Кортина д'Ампеццо советские туристы выехали в обратный путь, на родину. По программе предусмотренной итальянской фирмой «ЧИТ», обслуживающей туристов, нам предстояло посетить еще два города, замечательных своей историей и ценнейшими произведениями искусства — Венецию и Рим. Комфортабельные автобусы за пять часов доставили нас из зеленых долин Доломитов на берег Адриатического моря. По пути в Венецию мы угостились сопровождавшего нас представителя фирмы «ЧИТ» захватить в город Падуа. Во время остановки в Падуа мне удалось найти уличный дом, который жил великий итальянский поэт Данте.

Одна из улиц Венеции. Нижние этажи домов предоставлены под магазины, чьи ярко освещенные витрины заставляют себя покупать туристов. В первых этажах живут граждане Венеции, которые не так часто заглядывают в эти магазины.

Я недоволен этим снимком. Однако это все же дом, в котором жил Данте, написавший бессмертную «Божественную комедию». Венеция поразила нас живописностью своего расположения на берегу лагуны Адриатического моря и необычностью, отличающей ее от всех прочих городов Европы. В этом городе не слышно гудков автомобилей и звуков велосипедистов. Узкие улицы Венеции предоставлены только пешеходам. По шестидесяти каналам, пересекающим город во всех направлениях, скользят легкие gondolas и катера. Ступени подъездов многих зданий спускаются прямо к воде. Венеция — город туристов. Издавна привлекает их сюда знаменитый собор св. Марка, Дворец дождей и издавна из прославленного венецианского стекла.

Такой погоды Рим не видел более десяти лет. Разамины древнего Форума и Колизея загорались метель. На улицах города образовались сугробы. Владелец автомашин, ночуящий под открытым небом, с трудом заходил моторы своих автомобилей. В садах Гинчи ветви пальм клонились под тяжестью выпавшего за сутки снега. Понимая, это было удивительное зрелище!

«ИЗ ЖИЗНИ НАТУРАЛИСТА»

«Рассказывая в этой книге о своей жизни, большую часть которой я провел с ружьем и записной книжкой, о жизни зверей и птиц на свободной и невольной в наших друзьях — собаках, я, конечно, делал это с известной целью. Мне хотелось принести юным читателям любовь к нашей замечательной стране, к нашей богатой природе, к животным», — так заканчивает Е. Спаненберг свое книгу «Из жизни натуралиста», выпущенную издательством «Молодая гвардия».

Автор красочно, в простой, доступной форме излагает свои наблюдения над животным и пернатым царством в Уссурийском ирве и Закавказье, в пустынях Казахстана и Туркмении, в горах Кыргызстана и в дельте Волги. Ведь биографическое повествование от детских лет, когда он вымарывал воробья Забину, Евгений Павлович Спаненберг раскрывает перед читателями повадки зурского полоза и колочего шалака, диной юшки и майковой Черепашки, ора и лилового дрозда и многих других зверей и птиц.

326 страниц увлекательного, чтения иллюстрированной рисунками художника А. Н. Кюмарова.

«ПУТИ-ДОРОГИ»

В книге «Пути-дороги», выпущенной издательством «Молодая гвардия», значительный заметствующий страны Алексей Улесов рассказывает о пройденном им пути от хуторского подласия в донских степях до Героя Социалистического Труда.

«Я начал жизнь в остротерей, бедной семье», — пишет автор, — и чувствовал себя выжиной, затерянной в бескрайних степных просторах. Но уже в детстве советские люди окружили меня заботой, звали вперед, открывали передо мной пути-дороги, по которым легко идти человеку, если он любит трудиться».

Книгу Улесова можно назвать книгой о любви к труду. Читатель узнает из нее не только биографические подробности становления авантюризм, но и то, как молодой человек, в совершенстве овладевший профессией, сделал свой труд подлинно творческим. В книге много интересных сведений о строителе Цимлянкой ГЭС и Волго-Донской каналом — гд. раб. Улесов, а также о стройке Куйбышевской ГЭС, где сейчас он трудится.

«НА ВЫБОРСКОЙ СТОРОНЕ»

Небольшая книжка А. Давырдыча «На Выборской стороне» посвящена опыту работы комсомольской организации Ленинградского металлургического завода имени Сталина.

«Как же работает комитет комсомола большого промышленного предприятия? На выполнение каких задач нацеливает он целевые комсомольские организации? Как вовлекает он молодежь в социалистическую современную жизнь, делая ее повышая ее культурно-технического уровня? Какие формы и методы комсомольской работы оправдали себя, какие отвергнуты книжкой? Об этом и рассказывает наша брошюра», — пишет автор во вступлении к своему повествованию о простых, обычных комсомольских делах.

В этой книжке выпущенном издательством «Молодая гвардия», комсомольские работницы и активисты найдут довольно подробный, инте-

ресный и поучительный рассказ о трудовых буднях заводского комитета, его успехах и творческих поисках, находках, удачах и неудачах в работе.

«КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА»

Ленинградское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний выпустило очень хорошую для нашей молодежи брошюру кандидата педагогических наук Л. Л. Додонова «Культура поведения советского молодого человека».

В этой небольшой книжке автор ведет беседу о нормах поведения в быту и обществе, которые следует усвоить советским юношам и девушкам, о культуре их речи и внешнем виде, о таких чертах характера, как скромность, вежливость, дисциплина, об отношении к труду и социалистической собственности.

«ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

«Откуда и как появились на земле первые люди? Когда это произошло? Какими были первые люди? Как заселили они и их потомки земную? Ответы на эти вопросы читатель найдет в брошюре профессора М. А. Громовича «Происхождение человека», выпущенной Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний и издательстве «Знание». Цена брошюры — 60 коп.

«ЗНАНИЕ И ВЕРА В БОГА»

О том, что, когда и как породило веру в бога, о том, какой огромный вред причиняют народу религиозные верования обрядовости, широко рассказывается в брошюре В. М. Богуславского «Знание и вера в бога», изданной Гослитиздатом. Цена брошюры — 60 коп.

«СПРАВЧНИК КОМСОМОЛЬСКОГО ПРОПАГАНДИСТА И АГИТОРА»

Издательство «Молодая гвардия» выпустило свой «справочник комсомольского пропагандиста и агитатора», состоящий из трех основных разделов: «Зарубежные страны» и «Всемирное движение народов за мир. Международные демократические организации». На 382 страницах этой книги можно легко, быстро найти самые необходимые сведения о территории и населении, природных условиях и полезных ископаемых нашей страны, о КПСС, ВЛКСМ, профсоюзах и других общественных организациях, о социалистической промышленности, транспорте и сельском хозяйстве, науке, культуре, спорте в СССР. Кратким справкам о каждом зарубежном государстве предпослана истинственная статья «Для социальные системы и возможность их мирного сосуществования», а также две справочные, дающие общую характеристику странам народной демократии и странам капиталистического мира. Впервые посвятившимся всемирному движению народов за мир, содержатся сведения о деятельности международных демократических организаций международных премиях и другие.

Этот «Справочник» может стать ценной помощью для комсомольских пропагандистов, лекторов, агитаторов, докладчиков, для всех активистов ВЛКСМ.

НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ

За многовековую историю нашей страны в народе создано огромное количество пословиц и поговорок, в которых правдиво отобразился труд людей, их борьба за лучшую жизнь, горячая любовь к родине.

В краткой и четкой форме пословица правдиво и ясно выражает болевую мысль народа, становится тем «кратчайшим словом», которое придает нашему языку остроту и неограниченную действенность.

Владимир Ильич Ленин бесстрашно обращался к богатейшей сокровищнице мудрого народного творчества, черпая из нее острей и меткие, правдивые и жизнеутверждающие образы.

Нинке приводятся наиболее известные пословицы народов СССР о труде.

Труд человека кормит, а лен портит.

От лениности человек хворает, а от трудолюбия здоровым.

Кто любит прохладиться, тому в хвоего оставаться.

Дитя любит ласку, а станок смазку.

Не будь за губкой, следы за станком.

Чтоб καλύτε жить, надо труд любить.

Кто труда не видел, тот спокойствия не знает.

Медленная работа остается на завтра.

Дерево уныло, да работа бела.

Дерево уныло по плодам, а человека — по делам.

В полях работа тяжела, оба подставишь — легче справишь.

Заработанный ладом лучше краденого караван.

Кто по-старому работает, тот зубами хлопает.

Где работают, там и густо, а в ленивом доме пусто.

В труде рождается герой.

Дело обделал, а потом гордись.

Не тот герой, кто лицом крижос, а тот хороши, кто для дела ежос.

В протоколе густо, а на деле пусто.

Не замеряй деталь на ходу: попадешь в беду.

Не спеши языком, торопись делом.

Без дела жить — только небо коптить.

Пока лентяй шагает одной ногой, другую собака съест.

Лентяй до обеда здоров, а после обеда болон.

Пахарю земля — мать, а лодью — ма- чеха.

Лодью всегда нездоровится.

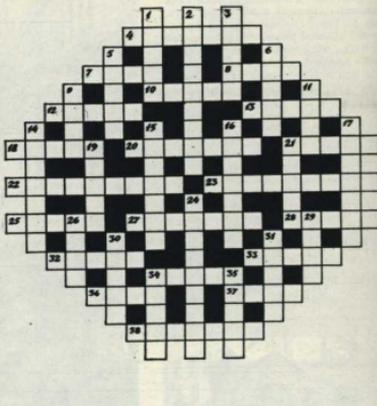
Лодья мерзет, кожда работает, соре- ается, кожда ест.

Стой лентяй работу поручить, как он тебя же нечаяно учить.

Своего лень не прощай за трудолен.

Лодья в хвое, кто трус в бок: оба позорят страну свою.

Собрал кандидат филологических наук А. ЗИГУЛЕВ.

КРОССВОРД

Составил С. Гевв

По вертикали:

1. Разведывательная и разбавительная группа. 2. Коллегиальная поездка. 3. Прозвание А. Чехова. 4. Чешский писатель. 6. Предельная норма. 9. Великий французский писатель. 11. Русский художник-баталист, автор панагоры «Оборона Севастополя». 14. Союздние. 15. Химический радиоактивный элемент. 16. Советский композитор. 17. Армянский композитор и музыкальный деятель. 19. Права, соединяющие два точки кривой линии. 21. Русская народная песня. 24. Спортивная игра. 26. Пещера. 28. Страна. 30. Цвет. 31. Роман Т. Драйзера. 34. Столица европейского государства. 35. Сорте группы.

По горизонтали:

4. Город в Коми АССР. 7. Герой гражданской войны. 8. Награда. 10. Личный металл. 12. Единича измерения светового потока. 13. Персонаж романа В. Ланса «К воюму берегу». 18. Повесть А. Гринина. 20. Тригонометрическая функция. 21. Варшавский превращение механической энергии в электрическую. 23. Государство в Европе. 25. Река в СССР. 27. Выдающийся советский офтальмолог. 28. Сборник географических карт, таблиц. 32. Ледяная глыба. 33. Горизонтальная горная выработка. 34. Собрание представителей. 36. Звание для стюарда и ремонтников паровозов и вагонов. 37. Выдающийся русский автор и театральный деятель. 38. Представитель одного из народов СССР.

ШАХМАТЫ КРАСИВАЯ КОМБИНАЦИЯ

В последние годы за рубежом возмужавшая группа молодых одаренных шахматистов. Из их числа, несомненно, выдвинется 22-летний аргентинец Пано.

Еще летом 1953 года Пано завоевал звание чемпиона мира среди юношей (его звание присуждается на два года). Совершивший свое мастерство, молодой аргентинец добился ряда успехов на южноамериканских турнирах. Победа в международном зональном состязании в Буэнос-Айресе дала ему право участвовать в Гетеборгском международном турнире 1953 года.

Дальней путь в Аргентине в Швецию Пано продолжил на мировом. В ответственном международном турнире молодой аргентинец завоевал звание чемпиона победы над многими известными гроссмейстерами и мастерами. Лишь советскому гроссмейстеру Л. Бронштейну и П. Кересу удалось опередить его. Оскар Пано занял третье место, став третьим из двенадцати гроссмейстеров и удостоился права участвовать в мат-турнире претендентов на мировое первенство.

Своей спокойной, логичной игрой Пано напоминает молодого Каса Рузля Капабланку — выдающегося кубинского шахматиста (1888—1942 годы), бывшего в свое время чемпионом мира. Так же, как и Капабланка, Пано

предпочитает вести борьбу позиционного характера.

Интересную, красивую комбинацию Пано проявил в партии с В. Славским на турнире в Гетеборге. Положение, которое мы видим ныне на диаграмме, сообразно последнему ходу черных Пано, игравший белыми, достигая этой нетрудно опровергнуть безусловного преимущества белых, забравшихся в неприятельский лагерь. Финал партии, в котором Пано развивает матовую атаку сначала жертвой нона, а затем ладья, оставляет сильное впечатление:

28. h3: e5 h6: e5.
29. c2: e4 c8: e4
30. h7: a7+ Kr8-h8
На 30... Kr8 мат достигался после 31. f3: h3+ Kf8-h8
32. h7-h8+1 Kr8: h8
33. f3: e5+. Черные сдались.

Мастер В. ЛЮВЛИНСКИЙ.

Фото Н. Чернышева.

Юная охотница

Вараки Долгач-Шуру знает и работает в горях, на оленеводческой ферме сельхозартели «Советская Тува». Много оленей вырастила Долгач-Шуру.

Но девушка знает и о профессии охотницы. Она умела охотиться на опытного животного. Старый следопыт поменял дочери о повадках зверей, об излюбленных местах собола, белки. В тагич шестидесятилетней охотница чувствует себя так уверенно, как и на ферме.

Девушка успешно добывает пушнину. За короткое время она отстрелила семь соболей и сто оленей; это намного превышает квоты на добычу. Недавно юную охотницу приняли в комсомол.

Главный редактор М. А. Вояничко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Над. № 348.

Тел. Д-334-24.

А 00781.

Формат бумаги 70 x 108/16.

Заказ № 700.

Редакторы: Г. Гуля, Е. Дюплетский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулемин, М. Лукин.

Технический редактор С. Шова.

Подписано к печати 31V 1956 г.

Тираж 250 000 яна.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

На трибуну вышел Петька:
— Позабыл нас в районе.
Объясните кто в ответе.
Почему кружки в загоне?
Ни турнира, ни сплетася.
Не поем и не играем.
Можм подернулись. Не так ли?
А из зала:
— Верно! Знаем!

— Я скажу о жизни школьной,—
Начинает бойко Галд.—
На площадке волейбольной
Два столба — и те упали.
Кто на место их поставит?
Мы в райком сте раз писали,
А столбы гниют в канаве.
Отвечайте, не права ли?

Высоко азмывают рюки:
— Дайте слово!
Разговор идет о скуке.
Речи сыплются сурово.
Авторучкой по графину
Выт комсорт:
— Прошу потише.

Про бездушье, про рутину
Мы, товарищи, запишем.
От чернильного старания
Секретаре в погу в мыле.
Пять часов идет собрание:
— Нет работы!
— Нам забавли!

А над шпюлой небо сине,
Светит солнце, ширь танаят.
Кто толкует о рутине,
Сам в рутине увязает!

Валентин ГЛУЩЕНКО

Ярлык

Однажды контролер,
быть может, по ошибке
Иль по невниманию — не знаем
К хорошей, первоклассной
скриние Ярлык приклеил «Брак».
Псгнубить мог в один момент
Сей первоклассный инструмент,
Когда случайно не попал бы
в руки
Тамне из него прекраснейшие
звучи.
Что многие прилеж в восторг.
Ярлык был старый тут же
сперт,
Поставлен новый «Высший
сорт».

Шло время, шел за часом час.
Подмонда скрипка канто раз,
Фальшивать стала, дребезжать,
Но ей старался подражать
Тот, кто всю жизнь глядеть
привыл.
На, на дела, а на ярлык.

Совет мой, в сущности, таков:
Быть осторожне с назлейной
ярлыкю.
Особенно в искусстве не с руки
Каче-либо ярлыкю.

Мих. АРТИЩЕВ

Колхоз имени И. В. Мичурина,
Чкаловской области.

ПОНИМАЮЩИЙ ИЛЬЯ

Природа осенью дышала.
Максим беседовал с Ильей:
— Сам видишь, дней осталось
мало,
Давай, Илья, решим с тобой:
В каком кружке по личному
желанию
Учиться будешь в нынешнем
году.
— Я,— говорит Илья,—
сознательный
И понимаю, что учиться — свет!
Да только времени, брат, нет,
Так что пишу:
«Самостоятельно!».
Василий АКУЛИНИН
г. Владимир.

ЦИТАТАДЕЛЬ

Рис. М. Вайсборда.

Ф. КРИВИН

Дуб

Молоденький Дубок судбно
недоволен:
Он скрыт от солнца за чужой
листвой.
И он шумит, зовут друзей
За то, что сбросить таму
и вырваться на волю,
Но вот прошли года. Дуб вырос,
возмужал,
Он больше не шумит, теплом
лучей согретый.
Он выше всех и всех сильнее
стал
И уж бывшим друзьям путь
закрывает и свату.
***
Среди людей — чего греха
танты! —
Подобный дуб порою можно
встретить.
Под солнцем так легко
забыть,
Что существует тень на свете!

Знаменитость

Не только на своей опушке
Известен был Медведев —
Гремела слава на весь лес,
Что он дубы ломает, как
игрушки,
Короче говоря, прославился
Медведь.
Чего бы, кажется, ему хотеть?
Но Мишка о другом хлопочет
Он на опушке жить не хочет.
«Я должен в центре нити!
Я слышном знаменит!
Я не какают бедларная
лгушка!
Провинциальный был
Меня томит!
Олушка не по мне! Я перерос
опушку!»
Причину уважительную назвали —
Медведь в центр перевален.
Рис. Е. Гурова.

Где будет жить Медведев, мне,
правда, все равно.
Но плохо, что у нас уж так
заповедно:
Смоленский итель или
псковский
Чуть знаменитым стал
в ступицу посковей,
И даже курский соловей
Давным-давно не курский,
а московский,
г. Ужгород.

Весна уже полностью вступи-
ла в свои права: распустилась
сирень, салован далами беслат-
ный кошерцт, и душа светится на
полную мощность.
В эту пору на смяемие горо-
дского сада в укромном местечке
сидел Федя Колотушкин, обив
за талию Надежду Зайцеву.

Обстановка была абсолютно
лирическая. Именно в такой ве-
чер и на таком месте миллионы
влюбленных всех времен объяс-
нялись и объяснялись в любви.
Федя Колотушкин вадул тоже
ошутил — пришла и его заветная
минута, сейчас он расскажет На-
дежне о своем чувстве и сде-

лает ей предложение. Но в ре-
шителный момент Федя вдруг
охватила робост.
Поразительный факт: Федя Ко-
лотушкин, штатный сотрудник
месткома и заправский одавор,
было выступавший на всех со-
браниях по всякому поводу, авза-
пно онемел.

Наонец Федя решился и, от-
кашлявшись, заговорил ласко-
вым голосом:

— Надежна! В повесте для
у нас стоит теперь важный во-
прос, который я, укладываясь в
регламент, хочу со всей приво-
ет и принципиальностью поста-
вить перед тобой ребром... Раз-
реш ми лично от моего имени
внести на рассмотрение одно
предложение... В общем и це-
лом оно заключается в том,
чтобы мы с тобой, засучив рука-
ва, взяли на букирис и помогли
отстающему на данном отрезке
времени участю до остя район-
ному загсу, выполнить и перы-
выполнить производственный
план на одну семейную еднн-
ицу.

Перевод дыхание, Федя сде-
лал паузу. Он с ужасом сознал,
какой призраком из те слова,
но ничего не мог поделать —
штампованные фразы сами, по-
мимо его воли, в силу привыч-
ки срывались с языка.

Волнуясь и запинаясь, Федя
заключил:
— На сегодняшний день мы
должны, не жалея сил, мобили-
зуть все резервы и возможности,
регулярно и систематически, не
стоячиво и упорно бороться за
то, чтобы наш законный брак
был только отличным качеством.

г. Ленинград. В. БРОДОВ

Цена номера
2 руб.

